

В.В. Тольякин

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

Виктор Владимирович Голявкин

Собрание сочинений.

Рассказы и повести для детей

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57160680

Собрание сочинений. Рассказы и повести для детей: РОСМЭН; М.; 2020

ISBN 978-5-353-09322-0

Аннотация

В настоящий том собрания сочинений Виктора Голявкина вошли веселые, ироничные и добрые рассказы для детей: «Тетрадки под дождем», «Карусель в голове», «Пара пустяков», «Сплошные чудеса» и многие другие, а также повести «Мой добрый папа», «Полосы на окнах», «Рисунки на асфальте» и «Ты приходи к нам, приходи». Герои Голявкина – обычные мальчишки и девчонки; они то и дело попадают в разные переделки, но никогда не унывают и всегда готовы прийти на помощь друзьям.

Содержание

Рассказы для детей	8
Всё будет прекрасно!	8
Паровозик в небе	10
Так бы и сказал	11
Ну и что же?	12
Нехорошо получилось	14
Рассеянный	15
Поющая Катя	17
У Ники новые лыжи	19
В том-то и дело	21
После зимы будет лето	22
Ника на даче	24
Что Нике делать?	26
Всему своё место	28
Тетрадки под дождём	30
Я пуговицу себе сам пришил!	32
Яндреев	33
Как я под партой сидел	35
Передвижение комода	36
Болтуны	37
Как мы на самолёте летали	39
Лукьян	41
И мы помогали	42

Язык	43
Как я помогал маме мыть пол	44
Привычка	46
Как я писал стихи	48
Новая рубашка	50
Неохота всё время пешком ходить	51
Все куда-нибудь идут	53
Был не крайний случай	54
Моя работа	55
Никакой я горчицы не ел	56
Путешественник	62
В любом деле нужно уметь работать	66
Пара пустяков	70
«Козёл-баран»	74
А сегодня ей опоздать нельзя	76
Второклассники и старшеклассники	77
Пятнадцать третьих	78
«Крути снежные вертя...»	80
Дело не в том, что я мяч не поймал	82
Пароход и лошадь	83
Абсолютно верно	84
Так всегда бывает	85
Друзья	86
Как я встречал Новый год	87
Вязальщик	90
Я смотрю в окно	92

Тыква в сундуке	95
Птичка	97
Коньки купили не напрасно	98
В шкафу	100
Секрет	104
Больные	108
Мы играем в Антарктиду	109
Про металлолом	113
Как я всех обмануть хотел	115
Как тётя Фрося разрешила спор	116
Кому что удивительно	117
Подходящая вещь	118
Премия	119
Разговор по телефону	122
Огурцы	125
Две шапки	127
Беда	133
Трубачи	135
Совість	137
Закутанный мальчик	144
Мяч и чиж	146
Как мы в трубу лазали	148
Спина, которая загорела	151
Не везёт	153
Надоедливый Миша	154
Как я боялся	155

Ёлка и заяц в придачу	157
Я сейчас приду	167
Команда	168
Как-нибудь...	176
Если бы	179
Все смотрите на мой пенал	181
Когда?	183
На речке	185
Хочу лошадь	188
Карусель в голове	190
Не-а...	192
Вот что интересно!	195
Корреспондент Гера Крошечкин	200
Конец ознакомительного фрагмента.	201

**Виктор Владимирович
Голявкин
Собрание сочинений.
Рассказы и
повести для детей**

© В. В. Голявкин, наследники, 2020

© Макет. ООО «РОСМЭН», 2020

Рассказы для детей

Всё будет прекрасно!

Ника был вовсе не маленький мальчик. Он даже в школу ходил. Знал почти все буквы. Наверняка он не маленький был, а большой.

Но... Он не мог сам одеваться. Его одевали папа с мамой. Папа с мамой его оденут, и он идёт в школу, так, словно он сам оделся. А раздеваться он почему-то мог. Это он умел

делать вполне. У него получалось это.

Папа с мамой, бывало, ему говорят:

– Ведь ты сам разделся. Теперь сам попробуй одеться.
Точно так же, как раздевался.

А он машет руками. Ногами стучит. Согласиться не хочет.
И зря... Вот что вышло.

Был урок физкультуры. Наш Ника разделся со всеми. Побегал, попрыгал. Потом урок кончился, все оделись.

А Ника не знает, что делать. Он сам ведь не может одеться. Его должны мама с папой одеть. А их нету. Они дома. Как же они его оденут?

Держит Ника под мышкой штаны и рубашку.

И ждёт чего-то. Но ждать-то нечего. Кого ждать?

Пришлось ему самому одеться.

Он надел туфли не на ту ногу. Задом наперёд рубашку. А штаны так и не смог надеть.

Так и пошёл домой в трусиках. Со штанами в руках.

Хорошо ещё, была осень.

А если бы вдруг зима была?

Самому надо делать всё с самого детства.

И всё будет тогда прекрасно!

Паровозик в небе

Шёл Ника в школу, остановился. Стал в небо смотреть, на облака. Даже рот раскрыл, до того засмотрелся. Плывут облака по небу. Вон одно облако, как петух. Вон другое – похоже на зайца. Третье – белый медведь бежит.

«Чудеса какие! – думает Ника. – Забавно как получается: по небу звери и птицы плывут!»

Спешат мимо ребята в школу. Только Ника пока не торопится.

Он слегка недоволен небом. Одни только звери плывут по нему. Вот если бы паровозик проплыл! Хорошо бы с вагончиками. Без вагончиков тоже неплохо. Но с вагончиками всё же лучше.

Ждёт Ника паровозик.

А его нет.

А Ника ждёт.

А паровозик всё не появляется.

Может, ещё появится?

Так бы и сказал

Ника сломал у стула ножку. Но этого в классе никто не видел.

Ника приставил ножку к стулу, чтобы стул кое-как стоял. И поставил его на место.

Косится одним глазом: интересно всё же, кто сядет на стул! Но никто, как назло, не садится.

На другой день Ника забыл про стул. Сам сел на него и свалился со стулом на пол.

– Кто стул сломал? – крикнул Ника.

– Так это же ты сломал! Ведь ты только что упал со стулом!

– Я вчера сломал, а не сегодня!

– Значит, ты два стула сломал!

– Я нечаянно!

– Так бы и сказал.

Ну и что же?

– Ты опять на мороз выбегаешь без шапки?

– Ну и что же? – говорит Ника.

– Ты опять болтал на уроках?

– Ну и что же? – говорит Ника.

– Ты опять твердишь «ну и что же»?

– Ну и что же? – говорит Ника.

Прямо сладу с ним нет!

Вот однажды Ника лёг спать, и ему приснилось: идёт он по дорожке. Навстречу ослик бежит.

– Кря-кря, – сказал ослик.

– Не «кря-кря», а «иа», – сказал Ника.

– Ну и что же? – сказал ослик.

Удивился Ника и дальше пошёл.

Навстречу курица скачет.

– Ау! – сказала курица.

– Не «ау», а «куд-кудах», – сказал Ника.

– Ну и что же? – сказала курица.

Удивился Ника и дальше пошёл.

Навстречу верблюд бежит.

– Мяу-мяу! – сказал верблюд.

– Не «мяу», а по-другому, – сказал Ника.

– Ну и что же? – сказал верблюд.

– Опять «ну и что же»?! – крикнул Ника.

И проснулся. Сел на кровати, думает: «Как хорошо, что это сон».

С тех пор он не говорит «ну и что же».

Нехорошо получилось

Перед уроком ребята построились в пары. Таня – дежурная – проверила у всех руки, уши: чистые ли?

А Ника за парту спрятался. И сидит, как будто его не видно. Таня кричит ему:

– Ника, иди покажи свои уши. Не прячься!

А он словно не слышит. Сидит под партой, не шевелится.

Таня опять ему:

– Ника, ну! Покажи свои уши и руки!

А он опять ни слова.

Когда Таня у всех проверила, она подошла к парте, где спрятался Ника, и говорит:

– А ну вставай! Как не стыдно!

Пришлось Нике вылезти из-под парты.

Таня вскрикнула: «Ой!» – и попятилась.

Ника был весь в чернилах – лицо, руки, даже одежда.

А он говорит:

– У меня немножко руки грязные были. А чернила я только что пролил. Когда залезал под парту.

Вот как нехорошо получилось!

Рассеянный

Бывают же такие рассеянные люди!

Вот послушайте.

У Ники с парты упала ручка. И он полез искать ручку под партой. Он долго ползал под партой, до тех пор, пока Анна Петровна ему не сказала:

– Ну, Ника, хватит тебе там ползать!

– Я сейчас, – говорит Ника. И он вылезает из-под парты, только совсем из-под другой, и садится совсем за другую парту, с Костей Кошкиным. Костя в этот раз один сидел.

Кошкин даже испугался, – представляете, вдруг вылезает кто-то и садится! Тем более он не узнал сразу Нику.

Он как закричит:

– Ой, кто это?!

А Ника тоже сразу не понял, в чём дело. Растерялся и говорит:

– Это я.

Тут Костя Кошкин узнал Нику и говорит:

– Ты зачем тут очутился?

Ника растерянно отвечает:

– Не знаю.

– Как это так – не знаешь?

– Я думал, я сел за свою парту. А оказалось вдруг – не за свою. Это как-то так получилось! Вот, да!

Анна Петровна спрашивает:

– Ну, а ты ручку нашёл?

– Ой, – говорит Ника, – я забыл, зачем я полез под парту...

Поющая Катя

У нас в квартире Катя живёт. Она трусиха. Если слышится из коридора песня – это Катя от страха поёт. Она темноты боится. Она свет в коридоре зажечь не может и песни поёт, чтоб не страшно было.

Я темноты не боюсь нисколько. Чего мне темноты бояться! Я вообще никого не боюсь. Кого мне бояться? Я удивляюсь тому, кто боится. Например, Ника. Я Кате рассказал про Нику.

Мы летом в палатках жили. Прямо в лесу.

Как-то вечером Ника ушёл за водой. Прибегает вдруг без ведра и кричит:

– Ой, ребята, там чёрт с рогами!

Пошли, посмотрели, а это пень. От пня ветки торчат, как рога.

Мы весь вечер над Никой смеялись. Пока не уснули.

Утром взял Ника топор, пошёл пень выкорчёвывать. Ищет, ищет – не может найти. Пней много. А того пня, что на чёрта похож, нигде нет. В темноте пень был похож на чёрта. А днём он совсем не похож на чёрта. Отличить его от других невозможно.

Смеются ребята:

– Зачем тебе пень выкорчёвывать?

– Как же так, – отвечает Ника, – ведь я ночью опять ис-

пугаюсь!

Ребята ему говорят:

– Ты вот что сделай. Все эти пни выкорчуй. Среди них непременно тот пень будет. И ходи себе смело.

Глядит Ника на пни. Много пней. Штук сто. А может быть, двести. Попробуй все выкорчуй! Махнул Ника рукой на пни. Пусть стоят. Пни ведь не черти.

Послушала Катя рассказ про Нику. Смеётся.

– Ой, какой Ника смешной!

У Ники новые лыжи

Лыжи – очень хорошая вещь! На лыжах можно с трамплина прыгать. Можно бегать наперегонки... Замечательная вещь – лыжи!

На дворе зима. Прелесть. Снежок летает. На лыжах девочки с гор съезжают. И Ника с лыжами ходит. Он их на плече носит. Ходит и носит.

Походил, походил, постоял, посмотрел.

И снова ходит.

Потом посидел на лавочке.

И опять стал ходить. И лыжи с плеча не спускает. На лыжах кататься можно. С гор съезжать. Не у каждого есть свои лыжи.

Вот он с ними и ходит. Ходил, ходил, трудно лыжи носить. Переложил их на другое плечо.

И снова ходит.

Ходит и думает: «На меня все смотрят. Все видят: я настоящий лыжник. У меня совсем новые лыжи. Красивые. На них можно с гор кататься. Можно бегать наперегонки. Замечательная вещь – лыжи».

И продолжает ходить. Как ни в чём не бывало.

Ходит и думает: «Как хорошо! Папа мне купил лыжи. Захочу – встану на них и поеду. Захочу – с горки спущусь. Хорошо иметь лыжи!»

И продолжает ходить.

Ходит себе и ходит. По сторонам посматривает. Носит лыжи на плече. И думает. Он думает, как хорошо иметь лыжи. И прочее.

А на дворе уже солнце садится. Все кончают кататься. Все кладут лыжи на плечи. И идут домой. Наконец-то!

У Ники лыжи давно на плечах.

Идёт Ника домой со всеми. Несёт на плече свои лыжи.

И думает: «Лыжи – хорошая вещь. На них можно с гор кататься. Можно бегать наперегонки. И прочее».

В том-то и дело

Зима. Мёрзнут Никины уши. И вдруг Ника видит такую картину. Он видит в проруби человека. И человек не кричит: «Спасите!» Он никого не зовёт на помощь. Напротив. Он совершенно спокойно сидит в воде. Он даже с улыбкой фыркает.

Человек вылез из проруби. Поплясал на снегу и опять полез в прорубь.

«Ну и ну! – удивляется Ника. – Как он может сидеть в этой проруби?! Он, наверно, выносливый и отважный: зимой сидит в проруби, когда все в шубах. Вот бы мне посидеть в этой проруби! Чтобы меня видели все, как я там сижу. Чтобы весь наш класс видел: Таня, Славик, Андрюша, Марик. Они сказали бы: „Ну и ну! Посмотрите! Он вон где!“ Я улыбался бы, сидя в проруби. Мне были бы нипочём все болезни...»

Человек тем временем вылез из проруби и преспокойно с улыбкой оделся. Он не стучал зубами от холода, он не ёжился. Ничего такого не делал. Он продолжал улыбаться.

Удивлённый Ника спросил:

– Вам не холодно?

– Жарко, – ответил тот просто.

– Вот это да! – сказал Ника. – Вы спортсмен?

– В том-то и дело, – сказал спортсмен.

После зимы будет лето

Ника учился плавать давно. Ещё зимой. Он быстро ходил по комнате и разводил перед носом руками. Вот так: раз-два. И получалось совсем неплохо – стиль брасс. При этом он фыркал, будто в воде, – ну, как настоящий пловец! Он не раз видел, как плавают, даже видел, как чемпион плавал. Чемпион точно так же фыркал и разводил точно так же руками. Чемпион, правда, плыл в бассейне, а Ника ходил по комнате, – но надо же научиться когда-то? Не сразу же начинать!.. Постепенно надо...

Бабушка, видя, как Ника старается, говорила:

– Вот так. Во-во!.. Хорошо! А ну, ещё!

И Ника вовсю старался. Ходил и фыркал.

Но вот и лето пришло. Поехал Ника в деревню. В деревне пруд. Большущий такой, пребольшущий.

Пошёл Ника к пруду. Замечательный пруд. Стоит Ника, смотрит. А в воду влезть не решается. Ребята плескаются, плавают, а он стоит и смотрит.

Ему кричат:

– Ты чего рот разинул? Иди сюда. Вода тёплая.

– Я потом, – отвечает Ника.

А про себя думает: «Ещё рано. Нужно ещё подучиться зимой. Потренироваться. Дома как-то спокойней. Спешить-то некуда. Не последнее лето. Будет ведь лето ещё!»

И верно. Будет зима. Потом будет лето. Потом снова будет зима. Потом опять лето... Что верно, то верно!

Ника на даче

Ника составил себе план на лето.

Он составил себе такой план: «Посадить сад на даче. Научиться варить уху, загореть так, чтобы стать чёрным, и непременно спасти тонущего».

Приехал Ника на дачу. За дело взялся. Хотел сад посадить, но лопаты нет. Раз лопаты нет, сада не будет. Как же землю копать?

«Посажу сад потом, – решил Ника. – Лучше буду уху варить».

Собрался Ника уху варить. Кастрюлька есть – рыбы нету. Вся рыба в речке. Поймай попробуй!

«Буду я загорать», – решил Ника.

Целый день лежал Ника на солнце. И до того загорел, что вся кожа облезла. Охает и даже плачет. Больше он не загорал, конечно. Хотя чёрным так и не стал почему-то.

«Пойду-ка я лучше к речке. Может быть, там кто-нибудь тонет».

Но там никто не тонул. Ника очень расстроился и от расстройства, наверное, сам стал тонуть. Он плавать совсем не умел.

Быть беде, если б не девочка Катя. Она крикнула Нике:
– Не бойся, здесь мелко!

Вылез Ника на берег. Сердитый.

– Терпеть, – говорит, – не могу девчонок. Вечно не в своё дело лезут!

Что Нике делать?

Ника часто опаздывал в школу. Наверное, он не мог встать пораньше. А то бы он не опаздывал.

Учительница сказала Нике:

– Передай маме записку. Пусть придёт вечером в школу. Мне нужно поговорить с твоей мамой.

Но Ника не передал записку. Он решил, что так будет лучше.

На другой день он встал пораньше и раньше всех пришёл в школу. Наверно, решил не опаздывать больше.

Он хотел идти в класс, но задумался. Вспомнил вдруг про записку.

«Что же мне делать? – думает Ника. – Как же я в класс пойду? Что Анне Петровне скажу? Лучше я спрячусь».

И Ника спрятался в гардероб. Устроился у батареи в углу. Кругом пальто висят.

Никто не увидит, что он здесь сидит. Сиди себе сколько хочешь. Тепло и уютно.

Только очень скучно стало. И от скуки Ника незаметно уснул. Проспал все уроки.

Проснулся Ника от шума. Это ребята пришли за своими пальто. Прощмыгнул Ника мимо ребят и как ни в чём не бывало пошёл домой.

На другой день он опять встал пораньше. Опять пришёл

в школу вовремя.

И в школе опять про записку вспомнил. А ещё идти в гардероб не хочется. Невозможно всё время сидеть в гардеробе!

Стоит он посреди коридора и думает: «Что же делать?» Звонок прозвенел. Все в классы ушли, а Ника всё думает.

Трудно сказать, что Нике делать...

Всему своё место

Я бросил решать задачку и побежал в сад к ребятам. Бегу – навстречу идёт наш учитель.

– Как дела? – говорит. – Догоняешь ветер?

– Да нет, я так, в садик.

Иду рядом с ним и думаю: «Вот сейчас спросит меня про задачу: какой ответ получился. А я что скажу? Ведь я ещё не успел решить».

А он:

– Хороша погода...

– Ну да, – отвечаю, – конечно... – А сам боюсь: про задачу вдруг спросит.

А он:

– Нос-то у тебя красный! – И смеётся.

– У меня всегда нос красный, такой уж у меня нос.

– Что ж ты, – говорит, – так и собираешься с таким носом жить?

Испугался я:

– А что мне с ним делать?

– Продать его и купить новый.

– Это вы шутите.

Он опять смеётся.

Я жду, когда же он про задачу спросит.

Так и не спросил про задачу.

Забыл, наверное.

На другой день вызывает меня:

– А ну, покажи задачу.

Не забыл, оказывается.

Тетрадки под дождём

На перемене Марик мне говорит:

- Давай убежим с урока. Смотри, как на улице хорошо!
- А вдруг тётя Даша задержит с портфелями?
- Нужно портфели в окно побросать.

Глянули мы в окно: возле самой стены сухо, а чуть по-
дальше – огромная лужа. Не кидать же портфели в лужу! Мы
сняли ремни с брюк, связали их вместе и осторожно спусти-
ли на них портфели. В это время звонок зазвенел. Учитель
вошёл. Пришлось сесть на место. Урок начался. Дождь за
окном полил.

Марик записку мне пишет: «Пропали наши тетрадки».

Я ему отвечаю: «Пропали наши тетрадки».

Он мне пишет: «Что делать будем?»

Я ему отвечаю: «Что делать будем?»

Вдруг вызывают меня к доске.

– Не могу, – говорю, – я к доске идти.

«Как же, – думаю, – без ремня идти?»

– Иди, иди, я тебе помогу, – говорит учитель.

– Не надо мне помогать.

– Ты не заболел ли, случайно?

– Заболел, – говорю.

– А с домашним заданием как?

– Хорошо с домашним заданием.

Учитель подходит ко мне:

– А ну, покажи тетрадку.

Я молчу.

– Что с тобой происходит?

Я молчу.

– Придётся тебе поставить двойку.

Он открывает журнал и ставит мне двойку, а я думаю о своей тетрадке, которая мокнет сейчас под дождём.

Поставил учитель мне двойку и спокойно так говорит:

– Какой-то ты сегодня странный...

Я пуговицу себе сам пришил!

Я пуговицу себе сам пришил. Правда, я её криво пришил, но ведь я её сам пришил! А меня мама просит убрать со стола, как будто бы я не помог своей маме, – ведь пуговицу я сам пришил! А вчера вдруг дежурным назначили в классе. Очень мне нужно дежурным быть! Я ведь пуговицу себе сам пришил, а они кричат: «На других не надейся!» Я ни на кого не надеюсь. Я всё сам делаю – пуговицу себе сам пришил...

Яндреев

Всё из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале; чуть что, сразу меня вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятёрки. С его фамилией это нетрудно – он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут. А с моей фамилией пропадёшь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю – никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу- то я это и придумал. Прихожу в класс, заявляю ребятам:

– Я теперь не Андреев. Я теперь Яндреев.

– Мы давно знаем, что ты Андреев.

– Да нет, – говорю, – не Андреев, а Яндреев, на «Я» начинается – Яндреев.

– Ничего не понятно. Какой же ты Яндреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

– У кого, – говорю, – не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

– Удивительно, – говорит Вовка, – почему ты вдруг Яндреевым стал!

– Ещё увидите, – говорю.

Подхожу к Александре Петровне:

– У меня, знаете, дело такое: я теперь Яндреевым стал. Нельзя ли в журнале изменить, чтобы я на «Я» начинался?

– Что за фокусы? – говорит Александра Петровна.

– Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

– Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яндреев, урок отвечать.

Как я под партой сидел

Только к доске отвернулся учитель, а я раз! – и под парту. Как заметит учитель, что я исчез, ужасно, наверное, удивится.

Интересно, что он подумает? Станет спрашивать у всех, куда я делся, – вот смеху-то будет! Уже пол-урока прошло, а я всё сижу.

«Когда же, – думаю, – он увидит, что меня в классе нет?»

А под партой трудно сидеть. Спина у меня заболела даже. Попробуй-ка так просиди! Кашлянул я – никакого внимания. Не могу больше сидеть. Да ещё Серёжка мне в спину ногой всё время тычет. Не выдержал я. Не досидел до конца урока. Вылезаю и говорю:

– Извините, Пётр Петрович...

Учитель спрашивает:

– В чём дело? Ты к доске хочешь?

– Нет, извините меня, я под партой сидел...

– Ну и как, там удобно сидеть, под партой? Ты сегодня сидел очень тихо. Вот так бы всегда на уроках.

Передвижение комода

Маше семь лет. Она ходит в школу в первый класс и учится на отлично. Её ставят в пример как лучшую ученицу. А однажды вот что случилось. Она не выучила урока и вообще ничего не могла ответить. Весь класс пришёл в удивление, и все мальчики и девочки подумали: «Вот это да!»

Учитель строго взглянул на неё.

– Объясни мне, что это значит?

Маша заплакала и объяснила всё по порядку:

– У нас большое несчастье. Мама передвигала комод. А братик сидел на полу. Он крутил волчок. Волчок закатился под комод. Братик полез за волчком. И мама ему прищемила живот. Братика увезли в больницу. Все плакали очень сильно, и я не могла учить урок.

Мальчики и девочки подумали: «Вот это да!»

А учитель сказал:

– Раз такое дело, это совсем другое дело. – И погладил Машу по голове.

Прошло несколько дней. Учитель встретил Машину маму. Он ей говорит:

– У вас такое несчастье. Вы придавили сына комодом. Мы все вам сочувствуем.

– Что вы, что вы! – сказала мама. – У меня нет ни комода, ни сына. У меня только дочка.

Болтуны

Сеня и его сосед по парте не заметили, как вошёл учитель.
Сеня нарисовал на ладони себя и показал соседу.

- Это я, – сказал он. – Похоже?
- Нисколько, – ответил Юра, – у тебя не такие уши.
- А какие же у меня уши?
- Как у осла.
- А у тебя нос – как у бегемота.
- А у тебя голова – как еловая шишка.
- А у тебя голова – как ведро.
- А у тебя во рту зуба нет...
- А ты рыжий.
- А ты селёдка.
- А ты вуалехвост.
- А что это такое?
- Вуалехвост – и всё.
- А ты первердер...
- Это ещё что значит?
- Значит, что ты первердер.
- А ты дырбыртыр.
- А ты выртырвыр.
- А ты rrrrrrrr...
- А ты zzzzzzzz...
- А ты... ы! – сказал Юра и увидел рядом учителя.

– Хотел бы я знать, – спросил учитель, – кто же всё-таки вы такие?

Как мы на самолёте летали

Приезжаем на аэродром. Нас шефы-лётчики пригласили.

Весь класс наш в один самолёт уместился. Прямо дом, а не самолёт! Хочешь – сиди, хочешь – стой, что хочешь делай! Валерка петь стал. Только когда загудел самолёт, он почему-то вдруг перестал петь.

– Летим уже? – спрашивает. – Или нет?

Кто-то как закричит:

– Летим! Летим!

– Я боюсь, – говорит Валерка. – Зачем я только в кино не пошёл! – И зубами стучит.

Я ему говорю:

– С непривычки это бывает.

– А ты раньше летал? – спрашивает Валерка.

– Я на катере ездил. А это почти что одно и то же. Мы с отцом с катера рыбу ловили.

Вдруг выходит к нам лётчик. Улыбается, спрашивает:

– Ну как?

Валерка как заорёт:

– Ой, идите за руль! Самолёт упадёт! – И заплакал.

Лётчик смеётся:

– Не беспокойся. Там ведь ещё лётчик есть.

Валерка перестал плакать.

– Эх ты, плакса! – говорит лётчик. – Девочки на тебя смот-

рят.

Катя услышала и говорит:

– Мы на него совсем не смотрим. Мы в окно смотрим.

А лётчик не отстаёт:

– Они даже смотреть на тебя не хотят; эх ты, трусишка!

Мишка Колосов говорит:

– Чудак Валерка. Сначала пел, а потом стал бояться.

Лёнька Скориков говорит:

– Это он, наверное, от страха пел.

Тут самолёт на снижение пошёл.

Вышли мы из самолёта.

– Эх, – говорит Валерка, – хорошо бы ещё покататься.

– Вот и прекрасно, – улыбается лётчик, – сейчас будем на вертолёте кататься.

Я обернулся – нет Валерки.

– Где Валерка? – спрашивают ребята.

Наверное, он в кино пошёл!..

Лукьян

Катю вызвали отвечать урок, а Маша в окно засмотрелась. Катя подсказку ждёт, а Маша видит собаку Лукьяна и говорит тихо, вслух:

– Лукьян...

Катя думала, ей подсказали, и повторяет:

– Лукьян...

– При чём тут Лукьян?! – удивился учитель.

Учитель сердито смотрит на Катю.

Катя сердито смотрит на Машу.

А Маша спокойно смотрит в окно.

И мы помогали

Когда снег с крыши сбрасывали, мы всем двором помогали дворнику. На крышу нас, конечно, не пустили. Тогда мы собрались во дворе, встали цепочкой, взявшись за руки, и никого не пускали в ту зону, куда снег падал.

Когда люди в эту зону шли, не подозревая об опасности, мы хором кричали:

– Сюда нельзя! В обход!

И все люди шли в обход.

На Ваську небольшой кусок снега сел. Кружился, кружился в воздухе и прямо Ваське на голову опустился. Васька только тряхнул головой, и этот снег на его голове растаял. Он потом всё повторял, что своей головой защитил других. Нескромно, я считаю, такие вещи заявлять. Тоже мне! Как будто это был какой-нибудь громадный кусок льда.

Нас всю дворник гнал, а мы не уходили. Так до конца помогали.

А дворник говорит, что мы мешали.

Как же так?!

Не может этого быть!

Язык

Ребята работали. А Петя сел на ступеньку. И так сидел.
Очень нужно работать!
Но сидеть надоело.
Он кошку увидел.
Поймал её.
Показал кошке шиш, посвистел кошке в ухо, подул на неё,
скорчил несколько рож, спел три песни, язык показал.
Она его цап лапой по языку!
Он сразу петь перестал.
Заорал, кошку выпустил и помчался к ребятам...
Лучше поздно, чем никогда!

Как я помогал маме мыть пол

Я давно собирался пол вымыть. Только мама не разрешала мне. «Не получится, – говорит, – у тебя...»

– Посмотрим, как не получится!

Трах! – опрокинул ведро и пролил всю воду. Но я решил, так даже лучше. Так гораздо удобнее мыть пол. Вся вода на полу; тряпкой три – и всё дело. Воды маловато, правда. Комната-то у нас большая. Придётся ещё ведро воды на пол вылить. Вылил ещё ведро, вот теперь красота! Тру тряпкой, тру – ничего не выходит. Куда же воду девать, чтобы пол был сухой? Без насоса тут ничего не придумать. Велосипедный насос нужно взять. Перекачать воду обратно в ведро.

Но когда спешишь, всё плохо выходит. Воды на полу не убавилось, и в ведре пусто. Наверно, насос испортился.

Придётся теперь с насосом повозиться.

Тут мама в комнату входит.

– Что такое, – кричит, – почему вода?

– Не беспокойся, мама, всё будет в порядке. Надо только насос починить.

– Какой насос?

– Чтобы воду качать...

Мама взяла тряпку, смочила в воде, потом выжала тряпку в ведро, потом снова смочила, опять в ведро выжала. И так несколько раз подряд. И воды на полу не стало.

Всё оказалось так просто. А мама мне говорит:
– Ничего. Ты мне всё же помог.

Привычка

Не успели приехать в пионерлагерь, а уже тихий час! Не хочется человеку спать – так нет, спи, хочешь не хочешь! Как будто мало спать ночью – ещё днём спи. Тут бы пойти искупаться в море – так нет, лежи, да ещё глаза закрой. Книжку и то почитать нельзя. Стал я напевать чуть слышно. Напевал, напевал и заснул. За ужином думаю: «Ага, вот оно что: чтоб заснуть, нужно что-нибудь спеть. Иначе никак не уснёшь».

На другой день я как только лёг, так сейчас же тихонечко и запел. Я даже сам не заметил, как стал так громко петь, что прибежал наш вожатый Витя.

– Это что ещё за певец такой?

Я ему отвечаю:

– Я иначе уснуть не могу, вот поэтому и напеваю.

Он говорит:

– А если все запоют, тогда что будет?

– Ничего, – говорю, – не будет.

– Тогда сплошное пенье будет, а не сон.

– А может быть, тогда все уснут?

– Ты не выдумывай чепуху, а закрой глаза и спи.

– Не могу я без песни спать, у меня без этого глаза не закроются.

– Закроются, – говорит, – вот увидишь.

– Нет, не закроются, я себя знаю.

– У всех ребят закрываются, а почему у тебя не закроются?

– Потому что я так привык.

– А ты попробуй не вслух пой, а про себя. Тогда ещё скорее уснёшь и товарищей не разбудишь.

Стал я петь про себя, пел разные песни и незаметно уснул.

На другой день мы на море пошли. Купались, в разные игры играли. Потом на винограднике работали. И я перед сном забыл песню спеть. Как-то сразу уснул. Совершенно внезапно. Совсем неожиданно.

Вот это да!

Как я писал стихи

Иду я как-то по пионерлагерю и в такт напеваю что попало. Замечаю – получается в рифму.

«Вот, – думаю, – новость! Талант у меня открылся!» Побежал я к редактору стенгазеты.

Женька-редактор пришёл в восторг.

– Замечательно, что ты стал поэтом! Пиши и не зазнавайся.

Я написал стихотворение о солнце:

Льётся солнца луч
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

– Сегодня с утра идёт дождь, – сказал Женька, – а ты пишешь о солнце. Поднимется смех и всё такое. Напиши о дожде. Мол, не беда, что дождь, мы всё равно бодры и всё такое.

Стал я писать о дожде. Правда, долго не получалось, но наконец получилось:

Льётся дождь
На голову мне.
Эх, хорошо

Моей голове!

– Не везёт тебе, – говорит Женька, – дождь-то кончился – вот беда! И солнце пока не показалось.

Сел я писать о средней погоде. Тоже сразу не выходило, а потом вышло:

Ничто не льётся
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

Женька-редактор мне говорит:

– Смотри, вон солнце опять показалось.

Тогда я сразу понял, в чём дело, и на другой день принёс такое стихотворение:

Льётся солнца луч
На голову мне,
Льётся дождь
На голову мне,
Ничто не льётся
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

Новая рубашка

Хотя на дворе мороз и снег, я расстегнул пальто на все пуговицы и заложил за спину руки.

Пусть все видят мою рубашку, которую мне сегодня купили!

Я ходил по двору взад-вперёд, поглядывая на окна.

Шёл с работы мой старший брат.

– О, – сказал он, – какая прелесть! Только смотри не протудись.

Он взял меня за руку, привёл домой и надел мне рубашку поверх пальто.

– Теперь гуляй, – сказал он. – Какая прелесть!

Неохота всё время пешком ходить

Неохота всё время пешком ходить. Прицепился сзади к грузовику и еду. Вот и школа за поворотом. Только вдруг грузовик быстрее пошёл. Будто нарочно, чтоб я не слез. Школу уже проехали. У меня уже руки держаться устали. И ноги совсем затекли. А вдруг он так целый час будет мчаться?

Пришлось в кузов забраться. А в кузове мел был какой-то насыпан. Я в этот мел и упал. Такая пыль поднялась, что я чуть не задохся. Сажу на корточках. За борт машины держусь руками. Трясёт всюду! Боюсь, шофёр меня заметит – ведь сзади в кабине окошечко есть. Но потом понял: он не увидит меня – в такой пыли трудно меня увидеть.

Уже за город выехали, где дома новые строят. Здесь машина остановилась. Я сейчас же выпрыгнул – и бежать.

Хотелось всё же в школу успеть, несмотря на такой неожиданный поворот дела.

На улице все на меня смотрели. Даже пальцем показывали. Потому что я весь белый был. Один мальчишка сказал: – Вот здорово! Это я понимаю!

А одна девочка маленькая спросила:

– Ты настоящий мальчик?

Потом собака чуть не укусила меня...

Не помню уж, сколько я шёл пешком. Только к школе ко-

гда подходил, все из школы уже выходили.

Все куда-нибудь идут

После лета все во дворе собрались.

Петя сказал:

– Я иду в первый класс.

Вова сказал:

– Я во второй класс иду.

Маша сказала:

– Я в третий класс иду.

– А я? – спросил маленький Боба. – Выходит, я никуда не иду? – И заплакал.

Но тут Бобу позвала мама. И он перестал плакать.

– Я к маме иду! – сказал Боба.

И он пошёл к маме.

Был не крайний случай

В классе все пересказ писали, а я, как назло, в этот день заболел. Через пять дней только явился в школу.

Анна Петровна сказала мне:

– Вот возьми домой книжку, прочти её и напиши своими словами. Только не больше двух раз прочти.

– А если я не запомню?

– Пиши, как запомнишь.

– А третий раз ни за что нельзя?

– В крайнем случае – можно.

Пришёл я домой. Прочёл два раза. Как будто запомнил. Забыл только, как слово «окно» писать – через «а» или «о». А что, если книжку открыть и заглянуть разок? Или это не крайний случай? Наверное, это не крайний случай. Ведь в основном я всё запомнил. Спрошу-ка я лучше у папы, можно мне заглянуть в третий раз или нет.

– Этот случай не крайний, – сказал папа. – Есть правило о безударных гласных. И ты должен знать это правило.

Правило я забыл. Пришлось наугад писать.

Анна Петровна прочла рассказ.

– Что же ты слово «окно» через «а» написал?

Я говорю:

– Был не крайний случай. И я не мог в третий раз заглянуть в книжку. А то бы я правильно написал.

Моя работа

Старший брат мастерил приёмник, а младший ходил во-круг и мешал.

– И я работать хочу, – просил он.

– Вот пристал, – сказал старший брат. – На́ тебе молоток и гвоздь.

Младший нашёл кусок фанеры и приступил к работе.

Тук-тук-тук – вся фанера в дырках! Даже вся табуретка в дырках. Даже в пальце чуть-чуть не сделал дырку.

– А ну-ка, – сказал старший брат, – дай сюда. – И прибил фанеру к приёмнику.

– Вот и всё, – сказал старший брат, – готов приёмник.

Младший вышел во двор и привёл ребят.

– Это я сделал. Моя работа!

– Весь приёмник сделал?

– Не весь, конечно, но главную часть. Без неё приёмник бы не работал.

Никакой я горчицы не ел

Сумку я спрятал под лестницу. А сам за угол завернул, на проспект вышел.

Весна. Солнышко. Птички поют. Неохота как-то в школу. Любому ведь надоест. Вот и мне надоело.

Иду, витрины разглядываю, во весь голос песни пою. Попробуй в классе запой – сразу выгонят.

А тут пой, сколько твоей душе угодно. Так до конца проспекта дошёл. Потом обратно. Хорошо ходить! Ходи себе и ходи.

Смотрю – машина стоит, шофёр что-то в моторе смотрит. Я его спрашиваю:

– Поломалась?

Молчит шофёр.

– Поломалась? – спрашиваю.

Он молчит.

Я постоял, постоял, говорю:

– Что, поломалась машина?

На этот раз он услышал.

– Угадал, – говорит, – поломалась. Помочь хочешь? Ну, давай чинить вместе.

– Да я... не умею...

– Раз не умеешь, не надо. Я уж как-нибудь сам.

Что мне оставалось делать? Вздохнул и дальше пошёл.

Вон двое стоят. Разговаривают. Подхожу ближе. Прислушиваюсь. Один говорит:

– Как с патентом?

Другой говорит:

– Хорошо с патентом.

«Что это, – думаю, – патент? Никогда я про него не слышал».

Я думал, они про патент ещё скажут. А они про патент ничего не сказали больше. Про завод стали что-то рассказывать. Один заметил меня, говорит другому:

– Гляди-ка, парень как рот раскрыл. – И ко мне обращается: – Что тебе?

– Мне ничего, – отвечаю, – я просто так...

– Тебе нечего делать?

– Ага.

– Вот хорошо! Видишь, вон дом кривой?

– Вижу.

– Пойди подтолкни его с того боку, чтоб он ровный был.

– Как это?

– А так. Тебе ведь нечего делать. Ты и подтолкни его.

И смеются оба.

Я что-то ответить хотел, но не мог придумать. По дороге придумал, вернулся к ним.

– Не смешно, – говорю, – а вы смеётесь.

Они как будто не слышат.

Я опять:

– Не смешно совсем. Что вы смеётесь?

Тогда один говорит:

– Мы совсем не смеёмся. Где ты видишь, что мы смеёмся?

Они и правда уже не смеялись. Это раньше они смеялись.

Значит, я опоздал немножко...

О! Метла у стены стоит. И никого рядом нету.

Дворник вдруг из ворот выходит:

– Не тронь метлу!

– Да зачем мне метла? Мне метлы не нужно...

– А не нужно, так не подходи к метле. Метла для работы, а не для того, чтобы к ней подходили.

Какой-то злой дворник попался! Метлы даже жалко.

Эх, чем бы заняться? Домой идти ещё рано. Уроки ещё не кончились. Ходить по улицам скучно. Ребят никого не видно.

На леса строительные залезть?! Как раз рядом дом ремонтируют. Погляжу сверху на город. Вдруг слышу голос:

– Куда лезешь? Эй!

Смотрю – нет никого. Вот это да! Никого нет, а кто-то кричит! Выше стал подниматься – опять:

– А ну слезь!

Головой верчу во все стороны. Откуда кричат? Что такое?

– Слезай! Эй! Слезай, слезай!

Я чуть с лестницы не скатился.

Перешёл на ту сторону улицы. Наверх, на леса, смотрю. Интересно, кто это кричит? Вблизи я никого не видел. А из-

дали всё увидел – рабочие на лесах штукатурят, красят...

Сел на трамвай, до кольца доехал. Всё равно идти некуда. Лучше буду кататься. Устал ходить.

Второй круг на трамвае сделал. На то же самое место приехал. Ещё круг проехать, что ли? Не время пока домой идти. Рановато. В окно вагона смотрю. Все спешат куда-то, торопятся. Куда это все спешат? Непонятно.

Вдруг кондукторша говорит:

– Плати, мальчик, снова.

– У меня больше денег нету. Только три копейки было.

– Тогда сходи, мальчик. Иди пешком.

– Ой, мне далеко пешком идти!

– А ты попусту не катайся. В школу, наверное, не пошёл?

– Откуда вы знаете?

– Я всё знаю. По тебе видно.

– А чего видно?

– Видно, что в школу ты не пошёл. Вот что видно. Из школы ребята весёлые едут. А ты как будто горчицей объелся.

– Никакой я горчицы не ел...

– Всё равно сходи. Прогульщиков я не вожу бесплатно. – А потом говорит: – Ну уж ладно, катайся. В другой раз не разрешу. Так и знай.

Но я всё равно сошёл. Неудобно как-то.

Место совсем незнакомое. Никогда я в этом районе не был. С одной стороны дома стоят. С другой стороны нет домов; пять экскаваторов землю роют. Как слоны по земле ша-

гают. Зачерпывают ковшиками землю и в сторону сыплют. Вот это техника! Хорошо сидеть в будке. Куда лучше, чем в школу ходить. Сидишь себе, а он сам ходит, да ещё землю копает.

Один экскаватор остановился. Экскаваторщик слез на землю и говорит мне:

– В ковш хочешь попасть?

Я обиделся:

– Зачем мне в ковш? Я в кабину хочу.

И тут вспомнил я про горчицу, что кондукторша мне сказала, и стал улыбаться. Чтоб экскаваторщик думал, что я весёлый. И совсем мне не скучно. Чтоб он не догадался, что я не был в школе.

Он посмотрел на меня удивлённо:

– Ты что?

– А что?

– Вид у тебя, брат, какой-то дурацкий.

Я ещё больше стал улыбаться. Рот чуть не до ушей растянул.

А он:

– Что с тобой?

– А чего?

– Что ты мне рожи строишь?

– На экскаваторе покатайте меня.

– Это тебе не троллейбус. Это машина рабочая. На ней люди работают. Ясно?

– Я тоже, – говорю, – хочу на нём работать.

Он говорит:

– Эге, брат! Учиться надо!

Я думал, что он про школу. И опять улыбаться стал.

А он рукой на меня махнул и залез в кабину. Не захотел со мной разговаривать больше.

Весна. Солнышко. Воробьи в лужах купаются.

Но почему мне так скучно?

Путешественник

Я твёрдо решил в Антарктиду поехать. Чтоб закалить свой характер. Все говорят, бесхарактерный я: мама, учительница, даже Вовка. В Антарктиде всегда зима. И совсем нет лета. Туда только самые смелые едут. Так Вовкин папа сказал. Вовкин папа там был два раза. Он с Вовкой по радио говорил. Спрашивал, как живёт Вовка, как учится. Я тоже по радио выступлю. Чтобы мама не волновалась.

Утром я вынул все книжки из сумки, положил туда бутерброды, лимон, будильник, стакан и футбольный мяч. Наверняка морских львов там встречу – они любят мяч на носу вертеть. Мяч не влезал в сумку. Пришлось выпустить воздух.

Наша кошка прогуливалась по столу. Я её тоже сунул в сумку. Еле-еле всё поместилось.

Вот я уже на перроне. Свистит паровоз. Как много народу едет! Можно сесть на какой угодно поезд. В конце концов, можно всегда пересесть.

Я влез в вагон, сел, где посвободней.

Напротив меня спала старушка. Потом со мной сел военный. Он сказал: «Привет соседям!» – и разбудил старушку.

Старушка проснулась, спросила:

– Мы едем? – И снова уснула.

Поезд тронулся. Я подошёл к окну.

Вот наш дом, наши белые занавески, наше бельё висит на дворе... Уж не видно нашего дома. Мне стало сначала немножко страшно. Но это только сначала. А когда поезд пошёл совсем быстро, мне как-то даже весело стало! Ведь еду я закалять характер!

Мне надоело смотреть в окно. Я снова сел.

– Тебя как зовут? – спросил военный.

– Саша, – сказал я чуть слышно.

– А что же бабушка спит?

– А кто её знает!

– Куда путь держишь?

– Далеко...

– В гости?

– Угу...

– Надолго?

Он со мной разговаривал, как со взрослым, и за это очень понравился мне.

– На пару недель, – сказал я серьёзно.

– Ну что же, – сказал военный, – очень даже неплохо.

Я спросил:

– Вы в Антарктиду?

– Пока нет; ты в Антарктиду хочешь?

– Откуда вы знаете?

– Все хотят в Антарктиду.

– И я хочу.

– Ну вот видишь!

– Видите ли... я решил закаляться...

– Понимаю, – сказал военный, – спорт, коньки...

– Да нет...

– Теперь понимаю – кругом пятёрки!

– Да нет, – сказал я, – Антарктида...

– Антарктида? – переспросил военный.

Военного кто-то позвал сыграть в шашки. И он ушёл в другое купе. Проснулась старушка.

– Не болтай ногами, – сказала старушка.

Я пошёл посмотреть, как играют в шашки.

Вдруг... я не поверил даже – навстречу шла Мурка.

А я и забыл про неё! Как она смогла вылезти из сумки?

Она побежала назад – я за ней. Она забралась под чью-то полку – я тоже сейчас же полез под полку.

– Мурка! – кричал я. – Мурка!

– Что за шум? – закричал проводник. – Почему здесь кошка?

– Это кошка моя.

– С кем этот мальчик?

– Я с кошкой...

– С какой кошкой?

– С моей.

– Он с бабушкой едет, – сказал военный, – она здесь рядом в купе.

Проводник повёл меня прямо к старушке.

– Этот мальчик с вами?

– Он с командиром, – сказала старушка.

– Антарктида... – вспомнил военный. – Всё ясно... Понимаете ли, в чём тут дело: этот мальчик решил махнуть в Антарктиду. И вот он взял с собой кошку... И ещё что ты взял с собой, мальчик?

– Лимон, – сказал я, – и ещё бутерброды...

– И поехал воспитывать свой характер?

– Какой плохой мальчик! – сказала старушка.

– Безобразие! – подтвердил проводник.

Потом почему-то все стали смеяться. Даже бабушка стала смеяться. У неё из глаз даже слёзы пошли. Я не знал, что все надо мной смеются, и потихоньку тоже смеялся.

– Бери кошку, – сказал проводник. – Ты приехал. Вот она, твоя Антарктида!

Поезд остановился.

Неужели, думаю, Антарктида? Так скоро?

Мы сошли с поезда на перрон. Меня посадили на встречный поезд и повезли домой.

В любом деле нужно уметь работать

У нас в школе открылась секция бокса. Туда записывали самых смелых. Подающих надежды. Я сейчас же пошёл записаться, потому что давно подавал надежды. Так все ребята считали. После того как я хотел Мишку стукнуть и промахнулся. И кулаком попал в стенку. И кусок штукатурки отбил. Все тогда удивились. «Вот так дал! – говорят. – Вот это удар!» Я всё ходил с распухшей рукой и всем показывал: «Видишь? Вот у меня удар какой! Не выдерживает рука. А то я, пожалуй, и стенку пробил бы!» – «Насквозь?» – удивлялись ребята.

С тех пор за мной пошла слава сильнейшего. Даже после того, как рука прошла. И показывать было нечего.

И вот я пришёл первым в секцию. И записался. И ещё ребята пришли. И Мишка тоже записался.

Начались занятия.

Я думал, нам сразу наденут перчатки и мы будем драться друг с другом. Я всем дам нокаут. Все скажут: «Вот это боксёр!» А тренер скажет: «Эге, да ты чемпионом будешь! Надо тебе шоколад больше есть. Мы попросим у государства, чтоб государство тебя бесплатно кормило. Шоколадом и разными там сладостями. Раз такой редкий талант появился».

Но тренер не дал перчаток. Он выстроил нас по росту. Сказал: «Бокс – дело серьёзное. Пусть все об этом подумают.

А если кто из вас по-другому думает, то есть что бокс несерьёзное дело, пусть тот спокойно покинет зал».

Зал никто не покинул. Построились в пары. Как будто бы не на бокс пришли, а на урок физкультуры. Потом разучивали два удара. Махали руками по воздуху. Иногда тренер нас останавливал. Говорил, мы неправильно делаем. И начиналось сначала. Один раз тренер сказал кому-то:

– Вон там, в широченных штанах, что ты делаешь?

Я вовсе не думал, что это мне, а тренер ко мне подошёл и сказал, что я бью левой рукой вместо правой, в то время как все бьют только правой, и неужели нельзя быть внимательней.

Я обиделся и не пришёл больше. Очень мне нужно, думал я, заниматься какой-то глупостью. С моим-то ударом! Когда я стенку могу пробить. Очень мне всё это нужно! Пусть Мишка там занимается. И другие. А я приду, когда будут драться. Когда наденут перчатки. И тогда мы посмотрим. Очень мне нужно просто руками махать! Это прямо смешно.

Я перестал ходить в секцию.

Только Мишку спрашивал:

– Каково? Всё руками машете?

Я всё смеялся над Мишкой. Дразнил его. И всё спрашивал:

– Ну, каково?

А Мишка молчал. Иногда говорил:

– Никаково.

Однажды он мне говорит:

– Завтра спарринг.

– Чего? – говорю.

– Приходи, – говорит, – сам увидишь. Спарринг – это учебный бой. Мы, в общем, драться будем. То есть работать. По-нашему так.

– Ну работай, работай, – я говорю. – Зайду завтра к вам, поработаем.

Захожу в секцию на другой день.

Тренер спрашивает:

– Ты откуда?

– Я, – говорю, – здесь записан.

– Ах, вот оно что!

– Я в спарринг хочу.

– Ну! – сказал тренер.

– Ну да! – сказал я.

– Всё ясно, – говорит тренер.

Он надел мне перчатки. И Мишке надел перчатки.

– Слишком ты боевой, – сказал он.

Я сказал:

– Разве это плохо?

– Хорошо, – сказал он. – Очень даже.

Мы с Мишкой вышли на ринг.

Я размахнулся и как ударю! Но мимо. Я второй раз размахнулся – и сам упал. Значит, опять промахнулся.

Я смотрю на тренера. А тренер говорит:

– Работай, работай!

Я встал и опять замахнулся, как вдруг Мишка мне как стукнет! Я хотел его тоже стукнуть, а он мне как трахнет в нос!

Я даже руки опустил. И не пойму, в чём дело.

А тренер говорит:

– Работай, работай!

Мишка говорит тренеру:

– Мне с ним неинтересно работать.

Я разозлился, на Мишку кинулся и упал снова. Не то споткнулся, не то от удара.

– Нет, – говорит Мишка, – я с ним работать не буду. Он всё время падает.

Я говорю:

– Я не всё время падаю. Я ему дам сейчас!

А он мне в нос как даст снова!

И я опять на пол сел.

А Мишка уже перчатки снимает. И говорит:

– Нет, это просто смешно мне с ним работать. Он совсем не может работать.

Я говорю:

– Ничего нет смешного... Я сейчас встану...

– Как хочешь, – говорит Мишка, – можешь и не вставать, это вовсе не важно...

Пара пустяков

Как только учебный год кончился, весь класс во дворе собрался. Обсуждали, что будут летом делать. Все разное говорили. А Володя сказал:

– Давайте Анне Петровне письма напишем. Где кто будет, оттуда напишет. О том, что увидел летом. Как провёл время.

Все закричали:

– Правильно! Правильно!

На том и порешили.

Разъехались все кто куда. Клим в деревню поехал. Он там сразу письмо написал – пять страниц.

Он написал:

Я в деревне спасал тонущих. Они все остались довольны. Один спасённый мне сказал: «Если б не ты, я бы утонул». А я ему сказал: «Для меня это пара пустяков». А он сказал: «А для меня не пара пустяков». Я сказал: «Конечно, для тебя не пара пустяков, а для меня пара пустяков». Он сказал: «Спасибо тебе большое». Я сказал: «Совсем не за что, потому что для меня это пара пустяков».

Я спас человек пятьдесят или сто. Даже, может быть, больше. А после они перестали тонуть, и спасать стало некого.

Тогда я увидел лопнувший рельс. И остановил целый по-

езд. Люди выбежали из вагонов. Они обнимали меня и хвалили. А многие целовали. Многие просили мой адрес, и я им давал свой адрес. Многие дали свои адреса, и я брал с удовольствием их адреса. Многие мне предлагали подарки, но я сказал: «Только, прошу вас, без этого». Многие меня фотографировали, со многими я фотографировался, многие мне предлагали ехать сейчас же с ними, но бабушку я не мог оставить. Я ведь не предупредил её!

Потом я увидел горящий дом. Он горел вовсю.

А дыму было сколько угодно.

«Вперёд! – сказал я сам себе. – Непременно там кто-нибудь есть!»

Кругом меня падали балки. Несколько балок упало сзади меня, а несколько – впереди. Несколько балок упало сбоку. Одна балка упала мне на плечо. Две или три балки упали с другого бока. Пять балок упало мне прямо на голову. Несколько балок ещё где-то упало. Но я не обращал внимания. Я рыскал по всему дому. Но никого, кроме кошки, там не было. Я выбежал с кошкой на улицу. Хозяева дома были тут. В руках они держали арбузы. «Спасибо за Мурку, – сказали они. – Мы только что из продмага». Они дали мне один арбуз. Потом все тушили дом...

Потом я увидел старушку. Она переходила улицу. Я сейчас же пошёл ей навстречу. «Разрешите, пожалуйста, – сказал я, – перевести вас на другую сторону». Я перевёл её на ту сторону и вернулся обратно. Подошли ещё старушки.

Их тоже я перевёл на ту сторону. Некоторым старушкам не нужно было на ту сторону. Но я говорил: «Пожалуйста, я переведу вас туда и обратно. И вы снова будете на этой стороне».

Они все говорили мне: «Если бы не ты, мы не перешли бы». А я говорил: «Для меня это пара пустяков».

Две или три старушки не хотели переходить. Они просто сидели на лавочке. И смотрели на ту сторону. Когда я спросил, не нужно ли им на ту сторону, они сказали: «Нам туда не нужно». А когда я сказал, почему бы им не прогуляться, они сказали: «Действительно, почему бы нам не прогуляться?»

Я их всех перевёл на ту сторону. Они там сели на лавочку. Обратно они не хотели идти. Как я их ни упрасивал.

Клим много всего написал. Он был очень доволен своим письмом. И отправил письмо по почте.

Потом лето кончилось. Начались занятия. На уроке Анна Петровна сказала:

– Очень многие прислали мне письма. Хорошие, интересные письма. Некоторые я вам прочту.

«Сейчас начнётся, – думал Клим. – В моём письме много геройских поступков. Все будут хвалить меня и восхищаться».

Анна Петровна прочла много писем.

А его письма не прочла.

«Ну, тут всё ясно, – подумал Клим. – Письмо в газету отправили. Там его напечатают. Может быть, будет мой портрет. Все скажут: „Ой, это он! Смотрите!“ А я скажу: „Ну и что же? Для меня это пара пустяков“».

«Козёл-баран»

У нас в школе есть урок пения. Мы там разные песни поём. Я вообще люблю песни петь, только слов я иногда не знаю. Учить слова никому неохота. Хорошо, когда сразу запомнишь. Только разве сразу запомнишь?

Однажды Вовка пел песню. Он совсем слов не знал. Так он пел другие слова. Какие попало.

И никто не заметил.

В одной песне я тоже слов не знала. Учитель вызвал меня эту песню спеть. Я сказала учителю:

– Пожалуйста, я вас прошу, погромче. А то мне не слышно будет.

А про себя думаю: «Он не услышит, что я буду петь, а я буду петь что попало».

Он посмотрел на меня и сказал:

– С удовольствием! – и заиграл во всю силу.

А я тихо запела. Я пела два слова: «Козёл-баран». Только мотив я верно пела. А слова были «козёл-баран».

Учитель не остановил меня. Он не сделал мне замечания. Только когда я петь кончила, он спросил:

– Хорошо было слышно?

– Хорошо, – говорю, – очень даже!

– А теперь, – говорит, – я играть буду тихо. А ты пой погромче. Только, пожалуйста, без козла. И без барана, конечно.

HO...

А сегодня ей опоздать нельзя

Кто Валю не знает? Всегда опаздывает на линейку.

А тут вдруг до сигнала явилась.

Стоит одна, улыбается. Не шелохнётся, руки по швам.

Ждёт звука горна.

Удивляются ребята. Удивляется вожатый.

Только Валя не удивляется.

Сегодня ей опоздать нельзя.

Вчера она помогала на кухне.

Начистила целый таз картошки.

Сегодня ей благодарность вынесут!

Второклассники и старшекласники

Второкласники были взволнованы. Они шумели. Вот один октябрёнок влез на стул и, обращаясь к старшим, сказал:

– Вы наши шефы. Мы все вас очень любим. И поэтому мы вам хотим помочь. Вы плохо натёрли пол в коридоре. Он совсем не блестит. А он должен блестеть – это каждый знает. Разрешите, пожалуйста, нам это сделать. Натереть пол в коридоре, чтоб он блестел.

Старшекласники были очень сконфужены. Они написали в стенгазету:

«Мы шестикласники. Нам стыдно вчерашних позорных минут. Мы переживаем. Мы плохо натёрли пол в коридоре. И мы благодарны второму „А“, который пришёл нам на помощь. Но мы исправим свою ошибку. Мы в скором времени соберёмся и все вместе, всем коллективом, натрём пол до блеска. Пусть второкласники не беспокоятся. Всё будет сделано. Мы всё сделаем сами».

Но октябрюта не стали ждать. Они натёрли пол в тот же день. А на другой день прочли стенгазету. И написали свою заметку.

«Мы, второкласники, извиняемся. Мы без разрешения натёрли пол. Не переживайте. Мы всё сделали сами».

Пятнадцать третьих

Все столпились возле бильярда.

– Довольно играть просто так, – сказал он. – Я играю на третье. К примеру, кисель дадут, или компот, или там шоколад, ну неважно что, ясно?

Всем было ясно. Стали играть.

К обеду он выиграл пятнадцать третьих.

Подали чай. Все кричали:

– Чай! Чай!

Даже повар сказал:

– Во как любят чай!

Он залпом выпил один стакан, второй, третий, четвёртый...

– Стойте... – сказал он. – Сейчас... погодите...

Залпом он уже пить не мог.

Все обступили его. Он сидел перед стаканами, тяжело вздыхал, говорил «погодите» и отпивал каждый раз по глотку.

Кругом шумели. Давали советы. Кто-то пощупал его живот.

– Живот не хватать, – сказал он, – нечестно...

Но больше он уже пить не мог. Он стал бледен, таращил глаза и икал.

Позвали вожатого.

– Что с ним такое? – спросил вожатый.

– Да вот чаю попил, – сказал кто-то.

С трудом его подняли со стула. Взяли под руки. И повели.

«Крути снежные вертя...»

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя... —

орал я на весь дом.

Я отложил книжку в сторону и с выражением прочёл:

Кроя мглою бурю кроет,
Крути снежные вертя...

Что-то не то. Я опять начал снова:

Буря мглою...

Я забыл вдруг, что буря кроет. Я стал думать и вскоре вспомнил. Я так обрадовался, что начал снова:

Буря кроет небо мглоет...

МГЛОЕТ? Что это такое? Мне стало не по себе. Такого, по-моему, не было. Я поглядел в книжку. Ну так и есть! МГЛОЕТА нету!

Я стал читать, глядя в книжку. Всё получалось как в книжке. Но как только я закрыл книжку, я вдруг прочёл:

Утро воеет небо могилою...

Это было совсем не то. Я это сразу понял. Я всегда вижу,

когда не то. Но в чём тут дело, в конце концов? Почему я никак не запомню?

– Не нужно зубрить, – сказал старший брат, – разберись, в чём там дело.

Я стал разбираться: значит, буря покрывает небо своей мглою и в то же время крутит что есть силы снежные вихри.

Я закрыл книжку и чётко прочёл:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Больше я не ошибался.

Дело не в том, что я мяч не поймал

Я вообще вратарь неплохой. А тут вот случилось такое. Стою я в воротах. Вдруг гляжу – Таня идёт.

Я сразу вратарскую позу принял. И одной рукой защищаюсь от солнца.

И всё из-за солнца вышло. Солнца-то не было. Я из-за позы всё.

И тут мне – бац! – гол забили.

Я прыгнул – поздно.

На уроке Таня записку мне пишет: «Ты очень здорово падаешь».

Ох и разозлился я! Значит, я только падаю здорово, а вратарь, значит, я никудышный? Не буду с ней разговаривать.

Целый месяц с ней не разговаривал.

Через месяц стал разговаривать. Ей и вправду понравилось, как я падал. Как в кино, говорит.

Зря я месяц с ней не разговаривал.

Пароход и лошадь

Когда я ходил в школу, в первый класс, я любил рисовать пароходы. Я всем хвалился: вот какие замечательные пароходы я могу рисовать!

И вот однажды я спросил одного мальчишку, может ли он нарисовать такой же замечательный пароход. Я тут же нарисовал большой пароход с трубами, всё как полагается. Потом я подрисовал море синим карандашом, а красным карандашом – флаг на мачте, и получилось совсем хорошо: плывёт по морю пароход, а на мачте у него развевается красный флаг.

Мальчишке понравился мой корабль, но он мне сказал: – Я могу лошадь нарисовать.

И он нарисовал лошадь.

Эта лошадь была так хорошо нарисована, что я больше не хвалился своими пароходами, потому что такую лошадь я не сумел бы нарисовать никогда!

Абсолютно верно

– Ты опять завтракаешь на уроке?

Валя быстро спрятала завтрак в парту.

– Что будет, – сказал учитель, – если все будут завтракать на уроке?

Класс зашумел. Потому что каждый хотел сказать, что тогда будет.

Коля сказал:

– Будет очень смешно!

Миша сказал:

– Жеванье будет!

Маша сказала:

– Все сытые будут!

– А чего не будет? – спросил учитель.

Класс молчал. Чего не будет – никто не знал.

Учитель хотел уже сам ответить, как вдруг кто-то крикнул:

– Урока не будет!

– Абсолютно верно! – сказал учитель.

Так всегда бывает

Мяч свой я у них отобрал. Потому что мяч мой. Кидаю мяч в стену и сам ловлю. Очень мне все нужны! Хватит мне этой стенки. Вот я и ловлю мяч от стенки. А Гога кричит:

– Смотрите-ка, он сам с собою играет!

Разве я сам с собою играю? Я со стеной играю.

Пёс Катушка ко мне привязался, вокруг бегаёт, машет хвостом.

А Гога кричит:

– Ой, глядите, с Катушкой играет!

– Не я с Катушкой играю, а Катушка со мной играет.

И продолжаю играть.

Играю себе и играю.

Вдруг пёс Катушка – цап мячик! – и всё... Превратился мячик в лепёшку.

А Гога орёт:

– Так всегда бывает!

Врёт, наверное...

Друзья

Андрюша и Славик друзья.

Они всё делают вместе. Когда Андрюша упал с веранды, Славик тоже хотел упасть с веранды, чтоб доказать, что он истинный друг.

Когда Славик пошёл вместо школы в кино, то Андрюша тогда был с ним вместе.

А когда они принесли в класс кошку и учитель спросил, кто из них это сделал, Андрюша сказал:

– Это Славик сделал.

А Славик сказал:

– Это всё Андрюша...

Как я встречал Новый год

Новый год в двенадцать часов приходил, а я в это время всегда уже спал. Прошло столько Новых годов! А я ни одного не видел. И мама, и тётя Вера встречали его, а я спал. Я всегда засыпал перед Новым годом. А просыпался утром, и мама мне дарила подарки и говорила: «Ну вот, Новый год!» Но я-то знал, что он ночью был. А сейчас его нету.

Я спрашивал маму:

– Ты его встретила?

Мама мне говорила:

– Встретила.

– И ты его видела?

Мама смеялась:

– Конечно видела!

– И папа видел, и тётя Вера?

Так мне обидно было!

Я представлял себе Новый год в большой шапке-ушанке и в валенках. Как на новогодней открытке. В двенадцать часов он стучится в дверь. И его все встречают. Все обнимаются с ним, хлопают по плечу Новый год и говорят: «Наконец-то приехал!» Он вытаскивает из мешка подарки, всё дарит, кому что надо, и говорит: «Я спешу. Меня ждут в других квартирах». Все провожают его до угла, потом возвращаются и идут спать. Вот так представлял я себе Новый год.

Как старался я не заснуть в Новый год! И каждый раз засыпал где попало. А просыпался всегда в кровати.

И рядом были подарки.

Мой брат раньше меня встретил Новый год. Несмотря на то что он младше меня. Он вот что сделал. Чтоб не заснуть, он залез под стол. Сначала он там, конечно, заснул, а когда все сели за стол, стало шумно. И он моментально проснулся. И вы знаете, что он сказал мне? Он мне сказал:

– Его не было.

– Как так не было?! – сказал я.

– Очень просто.

– А ты там не спал под столом? – спросил я.

– Вот ещё! – говорит Котька. – Бой часов был, это верно. А Нового года не было. Как только все стали кричать: «С Новым годом!» – я вылез.

– Кого же тогда вы встречали?

– Новый год, – говорит Котька.

– Как же так вы его встречали? Разве так в жизни бывает? Если ты, например, меня встречаешь, то ты видишь, что ты меня встречаешь. А то как же ты меня встречаешь, если ты меня не встречаешь?

– Сам увидишь, – говорит Котька. – На будущий год увидишь. Никакого там Нового года не будет. Бой часов будет. А Нового года не будет.

– Наверно, ты спал под столом, – говорю, – и сквозь сон слышал бой часов. А Нового года не видел.

– Я не спал, – говорит Котька.

– Значит, спал, – говорю, – раз не видел.

– Ты сам спал, – говорит Котька.

– Я-то спал, – говорю, – но ты тоже спал. Только я спал в кровати, а ты – под столом. Лучше бы ты уж спал в кровати.

– Я не спал, – говорит Котька.

– Почему же тогда ты его не видел?

– Его не было, – говорит Котька.

– Ты просто спал, – говорю, – вот и всё!

На этом наш спор закончился.

Он обиделся и ушёл. И хотя он на меня обиделся, всё равно я думал, что он там спал и не видел Нового года с подарками.

Вот так я себе представлял Новый год, когда был совсем ещё маленький.

Вязальщик

Конечно, вы удивитесь. Потому что я мальчик... Но не в этом дело. Дело в том, что я вязать умею. Меня бабушка научила. Я сам себе шапочку для катка связал.

Так вот. Надо мной все смеяться стали:

– Эх ты, девчонка! Это только девчонки вяжут! А мальчишки не вяжут! Эх ты!..

Очень мне неприятно было. Кому приятно, когда тебя дразнят. Я пробовал даже отказываться. Уверял, что не умею вязать. Ну чуть не плачу! Но Шурик видел, как я вязал. Он ко мне приходил и видел. Он мне говорит:

– Не ври! Я видел!

Стали меня звать вязальщиком.

– Вон вязальщик пришёл!.. Эй, вязальщик! Вязальщик пришёл!..

Представляете, какой ужас?!

Но я вязать продолжал. Всё равно ведь дразнят! Лучше уж продолжать вязать. И бабушка говорит:

– Ты вяжи, вяжи, а то тебя зазря дразнят.

Связал я себе свитер. Такой жёлтый свитер с полосками. Полоски зелёные. Очень красиво. Правда, бабушка помогла. Но в основном я всё сам связал.

Прихожу в этом свитере в класс.

Ребята увидели свитер. И не дразнят. А только смотрят.

Потом Шурик вдруг говорит:

– Вот это свитер!..

И Мишка тоже:

– Вот это свитер!..

Я не выдержал, говорю:

– Сам связал!

– Да ну? – удивились ребята.

– Уж что-что, – говорю, – а вязать я умею.

Смотрят ребята на свитер. Нравится им свитер.

Никто уж не дразнит, конечно. Чего уж тут дразнить. Вязальщиком быть совсем не плохо. Это всем стало ясно.

Я смотрю в окно

Я жду окончания урока. Смотрю со двора в окно класса. Мой папа стоит у доски, что-то пишет.

Я вижу весь класс. Вон сидит толстый мальчишка. Я вижу, как он лезет в парту, берёт булку и суёт в рот. Правда, булка не очень большая, но как мог он её запихать всю в рот? Это очень меня удивило. Он даже не смотрит на папу. Он смотрит куда-то в сторону и всё жуёт и жуёт.

Вон рыжий стучит крышкой парты. Он стучит не так чтобы сильно, но я слышу стук...

Вон скорчил рожу мальчишка, потом вдруг запел. Поёт он не очень громко, но я слышу, как он поёт:

С моей родною конницей
Связался я навек...

А папа стоит к ним спиной. На доске что-то пишет. Он не слышит, наверное, ни стука, ни песни, не видит, как толстый ест булку...

Мальчишка поёт всё громче:

С моей родною конницей
Связался я навек...

Вот папа кончил писать. Он повернулся к классу. Убрал

со лба волосы. Положил мел.

Стук и пение прекратились.

Только толстый мальчишка жуёт. Он не может сжевать свою булку. Ещё бы! Правда, булка не очень большая, но сразу её не сжуёшь.

– Вы поняли? – говорит папа.

– Поняли! – кричит толстяк. Он почти что сжевал свою булку.

Я не думаю, чтобы он понял. Он ведь ничего не слышал. Он совсем не смотрел на доску.

– Все списали? – говорит папа.

– Все! – кричит толстый мальчишка. Хотя он ничего не списал. Я же видел.

– Запишите задание на дом.

Папа диктует задание. Но записывают не все.

Я же вижу, кто записывает, а кто не записывает.

Я отхожу от окна. Мне не хочется, чтоб меня папа увидел. Не знаю сам почему.

Сейчас будет звонок, папа выйдет.

Я жду папу возле дверей. Я часто сюда прихожу. Жду здесь папу. И мы с ним идём домой. Правда, дом наш напротив школы. Но что ж из этого? Так веселей мне и папе.

Скоро и я пойду в школу. Неужели и я точно так же не буду слушать учителя, а только буду стучать крышкой парты, и вот так на уроке пихать булку в рот, и петь песни?

Нет, ни за что на свете!

А вот и папа!

Мы с ним обнимаемся. И вместе идём домой.

Тыква в сундуке

Вы видели мою тыкву? Не видели? Я её сам вырастил. И не где-нибудь, а у нас на балконе, в старом бабушкином сундуке.

Насыпал я в сундук земли. Оторвал крышку. Посадил туда семена, и у меня тыква выросла. Я всем гостям тыкву показывал. Удивляются все и руками машут. Шутка ли, в сундуке тыква?! На выставку, говорят, её надо. В Москву. Пусть видят, какие у нас растут тыквы!

Я этой тыквой очень гордился. Я глаз с неё не спускал.

– Смотри, как выросла! – кричу маме. – Вчера она меньше была, замечаешь?

Это мне казалось, как будто она за ночь выросла. Иногда мне наоборот казалось – как будто она меньше стала. Хотя этого быть никак не могло.

Я всё мечтал о выставке. Как я повезу свою тыкву на выставку. Скажу: «Вот я вырастил тыкву! В сундуке!» Мне скажут: «Какая прелесть! Неужели она в сундуке росла? Такой тыквы у нас ещё не было! Давайте сюда вашу тыкву». Положат её на полочку, придьют рядом дощечку. А на дощечке напишут: «Сундучная тыква», потому что она в сундуке росла. А рядом моя фамилия. Потому что я её вырастил. И может быть, дадут премию.

Я всё рассуждал о тыкве. Всё поливал её. И всё спрашивал

папу и маму, правильно ли я ращу тыкву. Зато папа не мог о тыкве слышать.

– Надоела мне, – говорит, – ваша тыква. Она меня просто с ума сведёт. Всё время только о ней разговоры. Я прихожу с работы. Мне хочется отдохнуть, почитать... А ко мне лезут с этой тыквой!.. Я прошу оставить меня в покое!

Он уходил в свою комнату и запирался на ключ.

Со всеми я говорил о тыкве. Засыпал я с мыслями о тыкве. Просыпался с мыслями о тыкве. Снились мне сундуки и тыквы.

Решил всё сосед Алька.

– Что это? – спросил он. – Тыква?

– Конечно, – сказал я, – а ты что думал?

– Я думал, – сказал он, – что это орех.

– Какой орех?! – возмутился я.

– Какая же это тыква?

Он привёл меня на пришкольный участок. Вот там я увидел тыквы! Это были громадные тыквы. Десятки тыкв.

– Сами вырастили, – сказал Алька.

Стыдно мне было за свою тыкву. Но я сказал:

– Моя тыква – сундучная. Я её в сундуке растил!

Птичка

Вышел я на перемене во двор. Погода чудесная. Ветра нет. Дождя нет. Снега нет. Только солнышко светит.

Вдруг вижу: крадётся куда-то кошка. Куда, думаю, кошка крадётся? Любопытно мне стало. И я осторожно за кошкой пошёл. Вдруг кошка – прыг! Гляжу, у неё в зубах птичка. Воробышек. Я хватаю кошку за хвост! – и держу.

– А ну, отдай птичку! – кричу. – Сейчас же отдай!

Отпустила кошка птичку – и бежать.

Принёс я птичку в класс.

Кусочек хвоста у неё оторван.

Все окружили меня, кричат:

– Глядите, птичка! Живая птичка!

Учитель говорит:

– Кошки птичек за горло хватают. А здесь повезло твоей птичке. Кошка ей только хвост повредила.

Просят меня подержать дать. Но я её никому не дал. Птички не любят, когда их держат.

Положил я птичку на подоконник. Обернулся, а птички нет. Ребята кричат:

– Лови! Лови!

Улетела птичка.

Но я не горевал. Ведь я спас её. А это самое главное.

Коньки купили не напрасно

Я не умел на коньках кататься. И они лежали на чердаке. И наверное, ржавели.

Я очень хотел научиться кататься. У нас во дворе все умеют кататься. Даже маленький Шурик умеет. Мне было стыдно выйти с коньками. Все смеяться будут. Пусть уж лучше коньки ржавеют!

Однажды папа сказал мне:

– Коньки я тебе купил напрасно!

И это было справедливо. Я взял коньки, надел их и вышел во двор. Каток был полон. Кто-то смеялся.

«Начинается!» – подумал я.

Но ничего не начиналось. Меня пока не замечали. Я вышел на лёд и упал на спину.

«Сейчас начнётся», – подумал я.

С трудом поднялся. Мне было трудно стоять на льду. Я не двигался с места. Но самое удивительное было то, что никто, абсолютно никто не смеялся, не показывал на меня пальцем, а, наоборот, Маша Кошкина подбежала ко мне и сказала:

– Дай руку!

И хотя я упал ещё два раза, а всё равно был доволен. И я сказал Маше Кошкиной:

– Спасибо, Маша! Ты научила меня кататься.

А она сказала:

– Ой, что ты, что ты, я только тебя держала за руку.

В шкафу

Перед уроком я в шкаф залез. Я хотел мяукнуть из шкафа. Подумают, кошка, а это я.

Сидел в шкафу, ждал начала урока и не заметил сам, как уснул.

Просыпаюсь – в классе тихо. Смотрю в щёлочку – никого нет. Толкнул дверь, а она закрыта. Значит, я весь урок проспал. Все домой ушли, и меня в шкафу заперли.

Душно в шкафу и темно, как ночью. Мне стало страшно, я стал кричать:

– Э-э-э! Я в шкафу! Помогите!

Прислушался – тишина кругом.

Я опять:

– О! Товарищи! Я в шкафу сижу!

Слышу чьи-то шаги. Идёт кто-то.

– Кто здесь горланит?

Я сразу узнал тётю Ньюшу, уборщицу.

Я обрадовался, кричу:

– Тётя Ньюша, я здесь!

– Где ты, родименький?

– В шкафу я! В шкафу!

– Как же ты, милый, туда забрался?

– Я в шкафу, бабуся!

– Так уж слышу, что ты в шкафу. Так чего ты хочешь?

– Меня заперли в шкаф. Ой, бабуся!

Ушла тётя Ньюша. Опять тишина. Наверное, за ключом ушла.

Опять шаги.

Слышу голос Пал Палыча. Пал Палыч – наш завуч...

Пал Палыч постучал в шкаф пальцем.

– Там нет никого, – сказал Пал Палыч.

– Как же нет? Есть, – сказала тётя Ньюша.

– Ну где же он? – сказал Пал Палыч и постучал ещё раз по шкафу.

Я испугался, что все уйдут, я останусь в шкафу, и изо всех сил крикнул:

– Я здесь!

– Кто ты? – спросил Пал Палыч.

– Я... Цыпкин...

– Зачем ты туда забрался, Цыпкин?

– Меня заперли... Я не забрался...

– Гм... Его заперли! А он не забрался! Видали? Какие волшебники в нашей школе! Они не забираются в шкаф, в то время как их запирают в шкафу. Чудес не бывает, слышишь, Цыпкин?

– Слышу...

– Ты давно там сидишь? – спросил Пал Палыч.

– Не знаю...

– Найдите ключ, – сказал Пал Палыч. – Быстро.

Тётя Ньюша пошла за ключом, а Пал Палыч остался. Он

сел рядом на стул и стал ждать. Я видел сквозь щёлку его лицо. Он был очень сердитый. Он закурил и сказал:

– Ну! Вот до чего доводит шалость! Ты мне честно скажи: почему ты в шкафу?

Мне очень хотелось исчезнуть из шкафа. Откроют шкаф, а меня там нет. Как будто бы я там и не был. Меня спросят: «Ты был в шкафу?» Я скажу: «Не был». Мне скажут: «А кто там был?» Я скажу: «Не знаю».

Но ведь так только в сказках бывает! Наверняка завтра маму вызовут... Ваш сын, скажут, в шкаф залез, все уроки там спал, и всё такое... Как будто мне тут удобно спать! Ноги ломит, спина болит. Одно мучение! Что было мне отвечать?

Я молчал.

– Ты живой там? – спросил Пал Палыч.

– Живой...

– Ну сиди, скоро откроют...

– Я сижу...

– Так... – сказал Пал Палыч. – Так ты ответишь мне, почему ты залез в этот шкаф?

Я молчал. Вдруг я услышал голос директора. Он шёл по коридору:

– Кто? Цыпкин? В шкафу? Почему?

Мне опять захотелось исчезнуть.

Директор спросил:

– Цыпкин, ты?

Я тяжело вздохнул. Я просто уже не мог отвечать.

Тётя Нюша сказала:

– Ключ унёс староста класса.

– Взломайте дверь, – сказал директор.

Я почувствовал, как ломают дверь, – шкаф затрясся, я стукнулся больно лбом. Я боялся, что шкаф упадёт, и заплакал. Руками упёрся в стенки шкафа, и, когда дверь поддавалась и открылась, я продолжал точно так же стоять.

– Ну, выходи, – сказал директор. – И объясни нам, что это значит.

Я не двинулся с места. Мне было страшно.

– Почему он стоит? – спросил директор.

Меня вытащили из шкафа.

Я всё время молчал. Я не знал, что сказать. Я хотел ведь только мяукнуть. Но как я сказал бы об этом...

Секрет

У нас от девчонок секреты. Мы ни за что на свете не доверяем им свои секреты. Они по всему свету могут разболтать любую тайну. Даже самую важную государственную тайну они могут разболтать. Хорошо, что им этого не доверяют!

У нас, правда, нет таких важных секретов, откуда нам взять их! Так мы их сами придумали. У нас был такой секрет: мы зарыли в песок пару пулек и никому не сказали об этом. Был ещё секрет: мы собирали гвозди.

Например, я собрал двадцать пять самых разных гвоздей, но кто знал об этом? Никто! Я никому не проболтался. Сами понимаете, как нам трудно приходилось! Через наши руки прошло столько секретов, что я даже не помню, сколько их было. И ни одна девчонка не узнала ничего. Они ходили и косились на нас, разные кривляки, и только о том и думали, чтобы выудить у нас наши тайны. Хотя они у нас ни разу ни о чём не спрашивали, но это ведь ничего не значит! До чего хитрые всё-таки!

А вчера я хожу по двору с нашей тайной, с нашим новым замечательным секретом и вдруг вижу Ирку. Я прошёл мимо несколько раз, и она на меня покосилась. Я ещё походил по двору, а потом подошёл к ней и тихо вздохнул. Я нарочно несильно вздохнул, чтобы она не подумала, что я специально вздохнул. Я ещё раза два вздохнул, она опять только по-

косилась, и всё. Тогда я перестал вздыхать, раз никакого от этого толку нету, и говорю:

– Если бы ты знала, что я знаю, ты бы прямо здесь, на месте, провалилась.

Она опять покосилась на меня и говорит:

– Не беспокойся, – отвечает, – не провалюсь, как бы ты сам не провалился.

– А мне-то чего, – говорю, – проваливаться, мне-то нечего проваливаться, раз я тайну знаю.

– Тайну? – говорит. – Какую тайну?

Смотрит на меня и ждёт, когда я ей начну рассказывать про тайну.

А я говорю:

– Тайна есть тайна, и не для того она существует, чтобы каждому эту тайну разбалтывать.

Она почему-то разозлилась и говорит:

– Тогда уходи отсюда со своими тайнами!

– Ха, – говорю, – вот ещё не хватало! Твой двор это, что ли?

Мне прямо смешно даже стало. Вот ведь до чего докатились!

Мы постояли, постояли, потом вижу – она снова косится.

Я сделал вид, что уйти собрался. И говорю:

– Ладно. Тайна при мне останется. – И усмехнулся так, что она поняла, что это значит.

Она голову даже ко мне не повернула и говорит:

– Нету у тебя никакой тайны. Если у тебя какая-нибудь тайна была бы, ты бы давно уже рассказал, а раз ты не рассказываешь, значит, ничего такого нету.

Что, думаю, она такое говорит? Ерунду какую-то! Но, честно говоря, я немножко растерялся. И правда, ведь могут мне не поверить, что у меня есть какая-то тайна, раз, кроме меня, никто не знает о ней. У меня в голове здорово всё перемешалось. Но я сделал вид, что у меня там ничего не перемешалось, и говорю:

– Очень жалко, что тебе доверять нельзя. А то бы я тебе всё рассказал. Но ты можешь оказаться предательницей...

И тут я вижу, она опять на меня одним глазом косится.

Я говорю:

– Дело тут не простое, ты это, надеюсь, прекрасно понимаешь, и обижаться по всякому поводу, я думаю, не стоит, тем более если бы это был не секрет, а какой-нибудь пустяк и если бы я тебя знал лучше...

Говорил я долго и много. Почему-то у меня такое желание появилось – долго и много говорить. Когда я кончил, её рядом не было.

Она плакала, прислонившись к стене. Её плечи дрожали. Я слышал всхлипывания.

Я сразу понял, что она ни за что на свете не может оказаться предательницей. Она как раз тот человек, которому спокойно можно всё доверить. Я это сразу понял.

– Видишь ли... – сказал я, – если ты... дашь слово... и

покаянёшься...

И я ей рассказал весь секрет.

На другой день меня били.

Она разболтала всем...

Но самое главное было не то, что Ирка оказалась предательницей, не то, что секрет был раскрыт, а то, что потом мы не могли придумать ни одного нового секрета, сколько мы ни старались.

Больные

– У тебя правда нога болит?

– Никакая нога у меня не болит! А у тебя в животе правда колет?

– Ничего у меня в животе не колет. Ловко мы с тобой в классе остались!

– Ребята сейчас там, на физкультуре, прыгают, а мы с тобой сидим – красота!

– Эх, хорошо просто так сидеть!.. Давай через парты прыгать!

Мы играем в Антарктиду

Мама куда-то ушла из дому. И мы остались одни. И нам стало скучно.

Мы перевернули стол. Натянули на ножки стола одеяло. И получилась палатка. Словно мы в Антарктиде. Там, где сейчас наш папа.

Мы с Витькой влезли в палатку.

Мы были очень довольны, что вот мы с Витькой сидим в палатке, хотя и не в Антарктиде, но как будто бы в Антарктиде, и вокруг нас льды и ветер. Но нам надоело сидеть в палатке.

Витька сказал:

– Зимовщики не сидят так всё время в палатке. Они, наверное, что-нибудь делают.

– Наверняка, – сказал я, – они ловят китов, тюленей и что-нибудь ещё делают. Конечно, они не сидят так всё время!

Вдруг я увидел нашу кошку. Я закричал:

– Вот тюлень!

– Ура! – крикнул Витька. – Хватай его! – Он тоже увидел кошку.

Кошка шла нам навстречу. Потом остановилась. Внимательно посмотрела на нас. И побежала обратно. Ей не хотелось быть тюленем. Она хотела быть кошкой. Я это сразу понял. Но что мы могли поделать! Мы ничего не могли поде-

лать. Надо же нам ловить кого-то! Я побежал, споткнулся, упал, поднялся, но кошки уже нигде не было.

– Она здесь! – орал Витька. – Беги сюда!

Из-под кровати торчали Витькины ноги.

Я полез под кровать. Там было темно и пыльно. Но кошки там не было.

– Я вылезаю, – сказал я. – Здесь кошки нет.

– Здесь она, – доказывал Витька. – Я видел, она побежала сюда.

Я вылез весь пыльный и стал чихать. Витька всё под кроватью возился.

– Она там, – твердил Витька.

– Ну и пусть, – сказал я. – Я туда не полезу. Я целый час там сидел. С меня хватит.

– Подумаешь! – сказал Витька. – А я?! Я больше тебя здесь лазаю.

Наконец Витька тоже вылез.

– Вот она! – крикнул я.

Кошка сидела на кровати.

Я чуть было её не схватил за хвост, но Витька толкнул меня, кошка прыг – и на шкаф! Попробуй её достань со шкафа!

– Какой же это тюлень, – сказал я. – Тюлень разве может сидеть на шкафу?

– Пусть это будет пингвин, – сказал Витька. – Как будто бы он сидит на льдине. Давай будем свистеть и кричать. Он тогда испугается. И со шкафа прыгнет. На этот раз мы пинг-

вина схватим.

Мы стали орать и свистеть что есть мочи. Я, правда, свистеть не умею. Свистел только Витька. Зато я орал во всё горло. Чуть не охрип.

А пингвин будто не слышит. Очень хитрый пингвин. При- таился там и сидит.

– Давай, – говорю, – в него что-нибудь кинем. Ну, хотя бы подушку кинем.

Кинули мы на шкаф подушку.

А кошка оттуда не прыгнула.

Тогда мы на шкаф закинули ещё три подушки, мамино пальто, все мамины платья, папины лыжи, кастрюльку, папины и мамины домашние туфли, много книг и ещё много всего. А кошка оттуда не прыгнула.

– Может быть, её нет на шкафу? – сказал я.

– Там она, – сказал Витька.

– Как же там, раз её там нет?

– Не знаю! – говорит Витька.

Витька принёс таз с водой и поставил его у шкафа. Если вздумает кошка со шкафа прыгнуть, пусть прямо в таз прыгает. Пингвины любят в воду нырять.

Мы ещё кое-что покидали на шкаф. Подождали – не прыгнет ли? Потом подставили к шкафу стол, на стол стул, на стул чемодан и на шкаф полезли.

А там кошки нет.

Исчезла кошка. Неизвестно куда.

Стал Витька со шкафа слезать и прямо в таз плюхнулся. Воду разлил по всей комнате.

Тут мама входит. А за ней наша кошка. Она, видимо, в форточку прыгнула.

Мама всплеснула руками и говорит:

– Что здесь происходит?

Витька так и остался в тазу сидеть. До того напугался.

– До чего удивительно, – говорит мама, – что нельзя их оставить одних на минутку. Нужно же натворить такое!

Нам, конечно, пришлось убирать всё самим. И даже пол мыть. А кошка важно ходила вокруг. И посматривала на нас с таким видом, как будто бы собиралась сказать: «Вот, будете знать, что я кошка. А не тюлень и не пингвин».

Через месяц приехал наш папа. Он рассказал нам про Антарктиду, про смелых полярников, про их большую работу, и нам было очень смешно, что мы думали, будто зимовщики только и делают, что ловят там разных китов и тюленей...

Но мы никому не сказали о том, что мы думали.

Про металлолом

Толик вёз по улице старую заржавленную кровать. А Маша везла старый заржавленный якорь. Они везут это в школу, поскольку – металлолом.

Толик говорит:

– В моей кровати весу больше, чем в твоём дурацком якорё. Значит, я больше тебя собрал.

Маша говорит:

– Это ещё неизвестно. Мой якорь весь полный, а кровать твоя надутая.

Толик даже остановился.

– Как это то есть надутая?

– Очень просто: мой якорь сплошной, а кровать у тебя не сплошная.

– А какая же у меня кровать? – говорит Толик.

Маша тоже остановилась и говорит:

– У тебя кровать надутая.

– Глупости какие! – говорит Толик. – Как это может такое быть, что она, мячик, что ли?

– Она не мячик, – говорит Маша, – но тем не менее она надутая. Вот эти железки, они ведь внутри пустые. А якорь мой весь внутри полный. Он не надутый, если ты хочешь знать!

– Ржавый твой якорь! – говорит Толик.

– Надутая твоя кровать! – говорит Маша.

– С разбитого корабля твой якорь! – говорит Толик.

В это время шла мимо старушка. Она несла в сумке бананы. Старушка с бананами говорит:

– Положите вы на кровать этот якорь. И вместе всё это тащите.

Но Толик сказал:

– Это мой металлолом.

И Маша сказала:

– Это мой металлолом.

– Ах, вот оно что! – сказала старушка. – Я этого и не знала. – И она ушла.

А Толик с Машей сначала удивились, почему так сказала старушка, а потом удивились, почему они так сказали старушке, потому что неважно, чья это кровать и чей якорь. Потому что это для всех.

И они так и сделали, как им сказала старушка с бананами.

Как я всех обмануть хотел

Мне про это рассказывать даже не хочется. Но я всё-таки расскажу. Все думали, я и вправду больной, а флюс у меня был не настоящий. Это я промокашку под щёку подсунул, вот щека и раздулась. И вдобавок гримасу соорудил: вот, мол, как зуб у меня болит! И мычу слегка; это я всё нарочно сделал, чтоб урок не спросили. И Анна Петровна поверила мне. И ребята поверили. Все жалели меня, переживали. А я делал вид, что мне очень больно.

Анна Петровна сказала:

– Иди домой. Раз у тебя так зуб болит.

Но мне домой совсем не хотелось. Языком промокашку во рту катаю и думаю: «Здорово обманул я всех!»

Вдруг Танька Ведёркина как заорёт:

– Ой, смотрите, флюс у него на другой стороне!

Как тётя Фрося разрешила спор

Заспорили во дворе ребята, кто больше всех загорел за лето.

– Я больше всех загорел, – сказал Вова.

– Нет, я, – сказал Петя.

– У тебя уши белые, – сказал Вова.

– Уши не в счёт, – сказал Петя, – я в шляпе ходил.

– Нет, в счёт! Ты без ушей загорал, а я вместе с ушами!

Значит, я больше всех загорел. Кого хочешь спроси.

Спросили Лёшу.

– Больше всех я загорел, – сказал Лёша.

– Ты не загорелый, а грязный.

– Сами вы грязные!

– Кого хочешь спроси, каждый скажет: ты грязный.

Спросили Алика.

– Больше всех я загорел, – сказал Алик.

А тётя Фрося сказала:

– Какие вы все загорелые!

И никто больше спорить не стал.

Чего зря спорить!

Кому что удивительно

Танька ничему не удивляется. Она всегда говорит: «Вот уж не удивительно!» – даже если бывает и удивительно. Я вчера на глазах у всех перепрыгнул через такую лужу... Никто не мог перепрыгнуть, а я перепрыгнул! Все удивились, кроме Тани.

«Подумаешь! Ну и что же? Вот уж не удивительно!»

Я всё старался её удивить. Но никак не мог удивить. Сколько я ни старался.

Я из рогатки попал в воробышка.

Научился ходить на руках, свистеть с одним пальцем во рту.

Она всё это видела. Но не удивлялась.

Я изо всех сил старался. Что я только не делал! Залезал на деревья, ходил без шапки зимой...

Она всё не удивлялась.

А однажды я просто вышел с книжкой во двор. Сел на лавочку. И стал читать.

Я даже не видел Таньку. А она говорит:

– Удивительно! Вот не подумала бы! Он читает!

Подходящая вещь

Я занимаюсь в столярном кружке. Очень мне нравится это дело.

Недавно я стол смастерил. Только плохой стол вышел. Мы его с Вовкой сломали – стул сделали.

И стул какой-то кривой получился. Не научились, наверное, стулья делать.

Сломали стул – сколотили скамейку. И скамейка нам не понравилась.

Тогда мы решили скворечню сделать. Тоже немало пришлось потрудиться; в конце концов получилась скворечня.

– Ну что это за вещь? – говорят ребята. – Какая же это вещь?

Повесили мы скворечню на дерево. Вскорости и скворец прилетел. Поселился в нашей скворечне. Раз скворец в ней живёт, значит, вещь подходящая.

Мы с Вовкой так думаем.

Премия

Оригинальные мы смастерили костюмы – ни у кого таких не будет! Я буду лошадыю, а Вовка рыцарем. Только плохо, что он должен ездить на мне, а не я на нём. И всё потому, что я чуть младше. Видите, что получается! Но ничего не поделаешь. Мы, правда, с ним договорились: он не будет на мне всё время ездить. Он немножко на мне поездит, а потом слезет и будет меня за собой водить, как лошадей за уздечку водят.

И вот мы отправились на карнавал. Пришли в клуб в обычных костюмах, а потом переоделись и вышли в зал. То есть мы въехали. Я полз на четвереньках. А Вовка сидел на моей спине. Правда, Вовка мне помогал – по полу перебирал ногами. Но всё равно мне было нелегко.

К тому же я ничего не видел. Я был в лошадиной маске. Я ничего совершенно не видел, хотя в маске и были дырки для глаз. Но они были где-то на лбу. Я полз в темноте. Натыкался на чьи-то ноги. Раза два налетал на колонну. Да что и говорить! Иногда я встряхивал головой, тогда маска съезжала, и я видел свет. Но на какой-то миг. А потом снова сплошная темень. Ведь не мог я всё время трясти головой!

Я хоть на миг видел свет. Зато Вовка совсем ничего не видел. И всё меня спрашивал, что впереди. И просил ползти осторожнее. Я и так полз осторожно. Сам-то я ничего не ви-

дел. Откуда я мог знать, что там впереди! Кто-то ногой наступил мне на руку. Я сейчас же остановился. И отказался дальше ползти. Я сказал Вовке:

– Хватит. Слезай.

Вовке, наверное, понравилось ездить, и он не хотел слезать. Говорил, что ещё рано. Но всё же он слез, взял меня за уздечку, и я пополз дальше. Теперь мне уже было легче ползти, хотя я всё равно ничего не видел.

Я предложил снять маски и взглянуть на карнавал, а потом надеть маски снова. Но Вовка сказал:

– Тогда нас узнают.

Я вздохнул и пополз дальше.

– Наверное, весело здесь, – сказал я. – Только мы ничего не видим...

Но Вовка шёл молча. Он твёрдо решил терпеть до конца. Получить первую премию.

Мне стало больно коленкам. Я сказал:

– Я сейчас сяду на пол.

– Разве лошади могут сидеть? – сказал Вовка. – Ты с ума сошёл! Ты же лошадь!

– Я не лошадь, – сказал я. – Ты сам лошадь.

– Нет, ты лошадь, – ответил Вовка. – И ты знаешь прекрасно, что ты лошадь. Мы не получим премии!

– Ну и пусть, – сказал я. – Мне надоело.

– Не делай глупостей, – сказал Вовка. – Потерпи.

Я подполз к стене, прислонился к ней и сел на пол.

– Ты сидишь? – спросил Вовка.

– Сижу, – сказал я.

– Ну ладно уж, – согласился Вовка. – На полу ещё можно сидеть. Только смотри не сядь на стул. Тогда всё пропало. Ты понял? Лошадь – и вдруг на стуле!..

Кругом гремела музыка, смеялись.

Я спросил:

– Скоро кончится?

– Потерпи, – сказал Вовка, – наверное, скоро...

Вовка тоже не выдержал. Сел на диван. Я сел рядом с ним. Потом Вовка заснул на диване. И я заснул тоже.

Потом нас разбудили и дали нам премию.

Разговор по телефону

Надумали мы позвонить Анне Павловне, нашей учительнице. Не то чтобы нам нужно было позвонить, нам совсем не нужно было звонить, нам просто так захотелось поговорить по телефону с Анной Павловной, тем более что мы с Анной Павловной по телефону никогда не говорили.

Мы влезли в будку-автомат вдвоём с Вовкой, и Вовка стал набирать номер, а я должен был говорить. Вот Вовка набрал номер, и я слышу в трубке голос Анны Павловны. Я растерялся и говорю:

– Кто говорит?

И Анна Павловна говорит:

– Кто говорит?

Я совсем растерялся и говорю:

– Я говорю.

Анна Павловна засмеялась в трубку и спрашивает:

– Это ты, Звёздочкин?

Значит, тоже узнала меня.

Я отвечаю:

– Ага, это я, Звёздочкин!

А Вовка меня в бок толкает и что-то советует. А я его рукой отстраняю: мол, не мешай разговаривать.

Анна Павловна говорит:

– Ну, я тебя слушаю, Звёздочкин.

Я говорю:

– И я вас тоже слушаю, Анна Павловна! Ох и хорошо слышно!

Анна Павловна спрашивает:

– Ты что-нибудь хочешь спросить у меня? Так ты спрашивай. Не стесняйся.

Я кричу:

– Я ничего не хочу спросить! Я с Вовкой!

– Значит, Вова хочет спросить что-нибудь?

– Не! Вовке нечего спрашивать. Он просто так стоит!

– Зачем же вы тогда звоните?

Тут я опять растерялся. И Вовку шёпотом спрашиваю:

– Мы зачем звоним?

А он пожимает плечами. И молчит. А я на Вовку смотрю и не знаю, что мне отвечать. Нельзя же мне говорить такое, что мы просто так звоним. И Анна Павловна тоже молчит и ждёт, что я отвечу. Вот ведь попал в положение!

Вовке-то ничего, он стоит себе, а мне отвечать нужно! Я взял и дал Вовке трубку. Он тоже растерялся и на меня смотрит. Только рот раскрыл. И ни слова. Потом протягивает мне трубку, а из трубки гудки гудят.

Я на него набросился:

– Это ты, говорю, виноват! Нужно сразу было ответить, а ты молчал!

А он только руками развёл.

– Что бы я ответил?

И действительно, отвечать было нечего. Раз мы низачем звонили. И я всё думал о том, что я завтра скажу Анне Павловне, когда она спросит, зачем я звонил.

Огурцы

Мы с Вовкой сидим на брёвнах, беседуем и огурцы едим. Такие замечательные, свежие огурцы. Мы каждый год с ним сидим на брёвнах и едим огурцы.

– Эх, – говорю, – как-то скучно летом. Сплошные каникулы и огурцы!

– Мне каникулы нравятся, – говорит Вовка, – но не очень.

– Не очень-то и мне нравятся, а вот чтобы очень, так вовсе не нравятся.

– Сплошное безделье. На то и лето!

– Сплошное лето, вот именно!

Вот так мы сидим с Вовкой на брёвнах и разговариваем. И едим свежие огурцы.

И вдруг видим соседку Машу. Она что-то в земле копается. Непонятно зачем.

Я ей кричу:

– Что ты там делаешь?

Она говорит:

– Огурцы поливаю.

Вовка вынул из кармана огурцы и говорит:

– Вот. Пусть тоже растут на здоровье!

И я вынул два огурца из кармана. И сказал то же самое, чтобы они на здоровье росли.

– Эх вы, – говорит Маша, – только есть можете!

– В чём дело? – говорит Вовка.

– Это вдруг почему, – говорю, – только есть можем?

– Сразу видно, – говорит Маша.

Я смотрю на Вовку, а Вовка смотрит на меня, и ни я, ни он, конечно, не видим, чтобы у нас что-нибудь было видно.

– Закопайте свои тапочки, – смеётся Маша, – авось новые вырастут к осени.

Две шапки

Когда моя мама куда-нибудь отлучается, Вовка приходит ко мне, а когда его мама куда-нибудь отлучается, я к нему прихожу. И мы что-нибудь делаем.

Один раз мы с ним сидим, в окно смотрим, а за окном дождь идёт.

Я говорю:

– Давай что-нибудь делать.

А Вовка говорит:

– Чего?

– Что-нибудь будем делать, – говорю.

– Давай, – говорит Вовка.

– А чего будем делать?

– Не знаю.

– И я не знаю.

Мы посидели, подумали, посмотрели, как дождь идёт, посмотрели, как люди ходят под дождём, но ничего не придумали.

Очень сложно что-нибудь делать, когда делать нечего.

Вдруг я как заору:

– Придумал!

– Чего придумал? – спрашивает Вовка.

– Давай шапки стирать!

– Какие шапки?

Я весь шкаф перерыл, пока шапку нашёл. А Вовка смотрел и всё спрашивал: «Ты умеешь стирать? Ты умеешь стирать?»

– Да чего тут уметь, – говорю. – Гляди! меховая, лохматая! Кое-где, правда, потёрлась. Вокруг головы. А так почти новая шапка. Только сзади прореха. И спереди. И дыра сбоку. Не так чтоб большая дыра. Но заметно. Когда очень близко подходишь. А издалека не видно. Хоть целый день смотри. Скоро лето. Потом будет осень. А после зима. Постираем мы наши шапки. Зима подойдёт. И мы будем ходить в чистых шапках!

– У меня ведь с собой нет шапки, – говорит Вовка.

– А это что?

– Это фуражка.

– Сначала мою, – говорю, – постираем, а потом твою постираем.

– Зачем мою стирать? Мою не надо стирать, – говорит Вовка.

– Совершенно грязная шапка, – говорю. – Противно смотреть! На твоём месте я постыдился бы появляться в обществе в такой шапке.

– Я ни в каком обществе не появляюсь, – говорит Вовка.

– А на улице, по-твоему, удобно появляться?

– Ну ладно, – говорит Вовка, – твою постираем, а потом мою постираем.

Положил я шапку в корыто. Воды налил. Засучил рукава.

Стал мылить шапку.

Вовка мне помогал. Мы её по очереди мылили до тех пор, пока мыло всё не измылилось.

Дальше стали её полоскать. Мы полоскали её, полоскали, а потом из корыта вынули и стали её мыть под краном. Чтоб всё мыло из шапки вышло. В корыте вода и так мыльная. Всё мыло обратно в шапку лезет.

Мы её под краном, наверное, целый час мыли. Ухо одно оторвали. Кое-где мех общипали. И дыру сбоку расширили. А так здорово вымыли. Вся как есть чистая стала. Оставалось только сушить.

Вдруг Вовка мне говорит:

– Она, когда высохнет, на голову не полезет.

Я здорово испугался, что она потом не полезет на мою голову, и говорю:

– Что ж ты раньше мне не сказал?

– Я только сейчас вспомнил.

– Почему же ты раньше не вспомнил?

– Не мог. Это не от меня зависит.

– А от кого же это зависит?

– От памяти.

– Ну и память у тебя!

– Память у меня неважная, это верно, – говорит он.

Вот что значит память! Разве я бы стирал свою шапку, знай, что так всё получится? А он всё знал и забыл. Остаётся надеть шапку мокрой. Пусть сохнет на голове.

Мы с Вовкой выжали шапку как следует, и я надел её, и мы пошли играть в шашки. Хотя мы выжимали шапку вовсю, воды в ней осталось много.

Вода текла по лицу и за шиворот. Но я терпел. Другие люди в более тяжёлые условия попадают. И ничего. Выдерживают.

Я спокойно играл с Вовкой в шашки, а шапку свою не снимал. Мы сыграли с ним несколько партий. Иногда я мотал головой, и брызги летели во все стороны. Подкладка линяла, и брызги были чернильные. Вовка ёжился и ругался.

Вдруг мне пришла в голову мысль такая: «А вдруг, когда она высохнет, с головы не слезет?» Я даже вертеть головой перестал. Хотел Вовку спросить об этом, но мне как-то неудобно стало его обо всём спрашивать, как будто я сам ничего не знаю. Как будто бы он в жизни больше меня понимает. И я молча сидел и думал.

Я думал о многом: о том, сколько времени будет сохнуть моя шапка, о том, как я буду спать в этой шапке, поскольку она сегодня не высохнет, о том, стирают ли шапки вообще, и если стирают, то неужели вот так сидят в мокрых шапках и ждут, когда они высохнут?

Я вспоминал все шапки, какие мне приходилось видеть, представил многих людей в моём положении и почему-то стал сомневаться в том, что шапки вообще кто-нибудь стирает и сушит их таким образом. Я, например, вспомнил шапку папиного знакомого, директора театра, маминого знако-

мого, учёного... Или, может быть, есть особенные приспособления, этикие болванки, куда натягивают мокрую шапку и сушат её, может быть, посредством какой-нибудь электрической сушилки?

Я представил себе целый ряд этих болванок, на которых торчат различные шапки, и мне стало очень тоскливо, будто я какая-нибудь болванка, а не Петя Ящиков, ученик первого класса...

– Ну как, – спросил Вовка, – сохнет?

– Неважно, – говорю, – сохнет.

– И чего, – говорит, – тебе в голову пришло эту шапку стирать?

– А тебе чего-нибудь в голову пришло? – говорю.

– Мне ничего не пришло, – говорит Вовка.

– Тогда нечего на других говорить, раз самому ничего в голову не пришло.

Вдруг я вспомнил про Вовкину шапку.

Я встал и сказал:

– Вот что, Вовка, давай твою шапку стирать.

– Ну нет, – говорит Вовка, – я свою шапку стирать не буду.

– Как это так не будешь?

– Моя шапка, – говорит Вовка, – хочу стираю, хочу не стираю.

Я разозлился и говорю:

– Я свою шапку стирал?

– Стирал, – говорит Вовка.

– И ты свою тоже стирай!

– Нет, – говорит Вовка, – свою шапку стирать не буду. Мало ли что я хотел! Сейчас совсем другая ситуация.

– Какая это ещё другая ситуация? Ишь ты какой! При одной ситуации хочешь стирать, а при другой не хочешь? А я, по-твоему, при всех ситуациях должен стирать? – Схватил я его и держу. – Стирай, – говорю, – свою шапку!

А он вырывается и орёт:

– Не буду! Не буду!

Тогда я его отпустил и говорю:

– Это просто нечестно. Не по-товарищески.

А он надевает свою нестираную шапку и уходит.

И на прощание говорит:

– Ты был мой лучший друг. Мне с тобой не хотелось бы ссориться. Но раз так, я ухожу. До свидания, Петя!

И он уходит. И даже хлопает дверью.

А я остаюсь сидеть. В своей мокрой шапке.

Ну, разве это товарищ? Какой же это товарищ! Нет, это не по-товарищески.

Беда

Мы решили цветы посадить во дворе. Посадим мы во дворе цветы. Никому не скажем об этом. Пусть цветы постепенно растут. Когда они вырастут, все удивятся. Все скажут: «Цветы сами выросли». И людям польза, и нам приятно.

Посадили мы семена. И ждём.

Долго ждали. Вдруг показалось что-то.

– Гляди, – кричит Вовка, – виднеется!

Я не сразу заметил.

– Где, где, – говорю, – где виднеется?

– Вон, вон, – кричит Вовка, – вон!

– Ой, и вправду виднеется!

– Ой, не могу больше ждать! – кричит Вовка.

Прошёл день. Прибегает Вовка весь бледный. Смотрит испуганно. И моргает. Он вообще всегда моргает. Но не так часто.

– Беда, – говорит.

– Где беда?

– Вырос лук.

– Какой лук?

– Зелёный.

Весь день мы печалились, хмурились. Только к вечеру нам стало лучше. Мы слегка успокоились. Всё же это беда не большая. Не самая страшная. Лук так лук. Ну и что же? Лук

можно есть. А цветы? Цветы есть нельзя. Это каждый знает.
Какая же это беда!

Трубачи

Я думал, играть на трубе – пустяк. Дуешь себе, а она играет. Но оказалось, это совсем не так.

Однажды горнист на пляж ушёл, а мы с Вовкой его трубу взяли. Поиграем, думаем, две-три песни, а потом на место положим.

Вовка спрашивает:

– Ну, что сыграть?

– Сыграй, – говорю, – про весёлый ветер.

– Пожалуйста, – говорит, – у меня слух хороший.

Вовка поднял трубу кверху и стал что есть мбчи дуть. Но звука не получилось.

– Наверное, – говорю, – ты слабо дуешь.

– Да нет, – говорит, – я во всю силу дую. – И стал так дуть, что я думал, он лопнет. У него даже уши красные стали.

– А ну, дай-ка мне, – говорю.

Я тоже дул, дул – никакого звука!

– Ты прав, не дудит труба.

– Может, мы не так дуем?

– А как же ещё надо дуть?

– Ну, как-нибудь по-другому.

Попробовали мы ещё по разу. Всё зря. Не дудит труба.

Тут как раз проходит Миша Зябликов. Дали ему подудеть. Может, он сможет.

Миша дунул — тоже ни звука.

Потом ещё появились ребята. Они тоже по очереди в трубу дули. А звука всё не было.

Потом вдруг Коля дунул — звук вырвался. Слабый звук, но всё же. Мы загалдели.

— Пусть объяснит, — кричим, — как это вышло!

А он сам не знает.

— Я, — говорит, — всё дул, дул, и вдруг — бац! — загудело!

Сколько он после ни дул — всё впустую.

Пришлось положить трубу на место. Испорченная труба — дело ясное.

А вечером вдруг слышим звуки. Переливаются над лагерем, звенят.

Это наш горнист Лёва играл на трубе.

Просто чудо!

Совесть

Когда-то была у Алёши двойка. По пению. А так больше не было двоек. Тройки были. Почти что все тройки были. Одна четвёрка была когда-то, очень давно. А пятёрок и во-все не было. Ни одной пятёрки в жизни не было у человека. Ну не было – так не было, ну что поделаешь! Бывает. Жил Алёша без пятёрок. Рос. Из класса в класс переходил. Получал свои положенные тройки. Показывал всем четвёрку и говорил:

– Вот, давно было.

И вдруг – пятёрка! И главное, за что? За пение. Он получил эту пятёрку совершенно случайно. Что-то такое удачно спел – и ему поставили пятёрку. И даже ещё устно похвалили. Сказали: «Молодец, Алёша!» Короче говоря, это было очень приятным событием, которое омрачилось одним обстоятельством: он не мог никому показывать эту пятёрку. Поскольку её вписали в журнал, а журнал, понятно, на руки ученикам, как правило, не выдаётся. А дневник свой он дома забыл. Раз так, значит, Алёша не имеет возможности показывать всем свою пятёрку. И поэтому вся радость омрачалась. А ему, понятно, хотелось всем показывать, тем более что явление это в его жизни, как вы поняли, редкое. Ему могут попросту не поверить без фактических данных. Если пятёрка была бы в тетрадке, к примеру, за решённую дома

задачу или же за диктант, тогда проще простого. То есть ходи с этой тетрадкой и всем показывай. Пока листы не начнут выскакивать.

На уроке арифметики у него созрел план: украсть журнал! Он украдёт журнал, а утром его принесёт обратно. За это время он может с этим журналом обойти всех знакомых и незнакомых. Короче говоря, он улучил момент и украл журнал на перемене. Он сунул журнал себе в сумку и сидит как ни в чём не бывало. Только сердце у него отчаянно стучит, что совершенно естественно, поскольку он совершил кражу. Когда учитель вернулся, он так удивился, что журнала нет на месте, что даже ничего не сказал, а стал вдруг какой-то задумчивый. Похоже было, что он сомневался – был журнал на столе или не был, с журналом он приходил или без. Он так и не спросил про журнал; мысль о том, что кто-то из учеников украл его, не пришла ему даже в голову. В его педагогической практике такого случая не было. И он, не дожидаясь звонка, тихо вышел, и видно было, что он здорово расстроен своей забывчивостью.

А Алёша схватил свою сумку и помчался домой. В трамвае он вынул журнал из сумки, нашёл там свою пятёрку и долго глядел на неё. А когда он уже шёл по улице, он вспомнил вдруг, что забыл журнал в трамвае. Когда он это вспомнил, то он прямо чуть не свалился от страха. Он даже сказал «ой!» или что-то в этом роде. Первая мысль, какая пришла ему в голову, – это бежать за трамваем. Но он быстро понял

(он был всё-таки сообразительный!), что бежать за трамваем нет смысла, раз он уже уехал. Потом много других мыслей пришло ему в голову. Но это были всё такие незначительные мысли, что о них и говорить не стоит.

У него даже такая мысль появилась: сесть на поезд и уехать на Север.

И поступить там где-нибудь на работу. Почему именно на Север, он не знал, но собирался он именно туда. То есть он даже и не собирался. Он на миг об этом подумал, а потом вспомнил о маме, бабушке, своём отце и бросил эту затею. Потом он подумал, не пойти ли ему в бюро потерянных вещей; вполне возможно, что журнал там. Но вдруг возникнет подозрение? Его наверняка задержат и привлекут к ответственности. А он не хотел привлекаться к ответственности, несмотря на то что этого заслуживал.

Он пришёл домой и даже похудел за один вечер. А всю ночь не мог уснуть и к утру, наверное, ещё больше похудел.

Во-первых, его мучила совесть. Весь класс остался без журнала. Пропали отметки всех друзей. Понятно его волнение. А во-вторых – пятёрка. Одна за всю жизнь и та пропала. Нет, я понимаю его. Правда, мне не совсем понятен его отчаянный поступок, но переживания его мне совершенно понятны.

Итак, он пришёл утром в школу. Волнуется. Нервничает. В горле комок. В глаза не смотрит.

Приходит учитель. Говорит:

– Ребята! Пропал журнал. Какая-то оказия. И куда он мог деться?

Алёша молчит.

Учитель говорит:

– Я вроде бы помню, что я приходил в класс с журналом. Даже видел его на столе. Но в то же время я в этом сомневаюсь. Не мог же я его потерять по дороге, хотя я очень хорошо помню, как взял его в учительской и нёс по коридору.

Некоторые ребята говорят:

– Нет, мы помним, что журнал лежал на столе. Мы видели.

Учитель говорит:

– В таком случае куда он делся?

Тут Алёша не выдержал. Он не мог больше сидеть и молчать. Он встал и говорит:

– Журнал, наверное, в камере потерянных вещей...

Учитель удивился и говорит:

– Где-где?

А в классе засмеялись.

Тогда Алёша, очень волнуясь, говорит:

– Нет, я вам правду говорю, он, наверное, в камере потерянных вещей... он не мог пропасть...

– В какой камере? – говорит учитель.

– Потерянных вещей, – говорит Алёша.

– Ничего не понимаю, – говорит учитель.

Тут Алёша вдруг почему-то испугался, что ему здорово влетит за это дело, если он сознается, и он говорит:

– Я просто хотел посоветовать...

Учитель посмотрел на него и печально так говорит:

– Не надо глупости говорить, слышишь?

В это время открывается дверь и в класс входит какая-то женщина и в руке держит что-то завёрнутое в газету.

– Я кондуктор, – говорит она, – прошу прощения. У меня сегодня свободный день – и вот я нашла вашу школу и класс, и в таком случае возьмите ваш журнал.

В классе сразу поднялся шум, а учитель говорит:

– Как так? Вот это номер! Каким образом наш классный журнал оказался у кондуктора? Нет, этого не может быть! Может быть, это не наш журнал?

Кондукторша лукаво улыбается и говорит:

– Нет, это ваш журнал.

Тогда учитель хватает у кондуктора журнал и быстро листает.

– Да! Да! Да! – кричит он. – Это наш журнал! Я же помню, что нёс его по коридору...

Кондукторша говорит:

– А потом забыли в трамвае?

Учитель смотрит на неё широко раскрытыми глазами. А она, широко улыбаясь, говорит:

– Ну конечно! Вы забыли его в трамвае.

Тогда учитель хватается за голову и говорит:

– Господи! Что-то со мной происходит. Как я мог забыть журнал в трамвае? Это ведь просто немыслимо! Хотя я пом-

ню, что нёс его по коридору... Может, мне уходить из школы? Я чувствую, мне всё труднее становится преподавать...

Кондукторша прощается с классом, и весь класс ей кричит «спасибо», и она с улыбкой уходит. А на прощание она говорит учителю:

– В другой раз будьте внимательней.

Учитель сидит за столом, обхватив голову руками, в очень мрачном настроении. Потом он, подперев руками щёки, сидит и смотрит в одну точку. Тогда встаёт Алёша и срывающимся голосом говорит:

– Я украл журнал.

Но учитель молчит.

Тогда Алёша опять говорит:

– Это я украл журнал. Поймите...

Учитель вяло говорит:

– Да... да... я понимаю тебя... этот твой благородный поступок... но это делать ни к чему... ты хочешь помочь... я знаю... взять вину на себя... Но зачем это делать, мой милый?..

Алёша, чуть не плача, говорит:

– Нет, я вам правду говорю...

Учитель говорит:

– Вы смотрите, он ещё настаивает... какой упорный мальчишка... нет, это удивительно благородный мальчишка... Я это ценю, милый, но... раз... такие вещи со мной случаются... нужно подумать об уходе... оставить на время препода-

давание...

Алёша говорит сквозь слёзы:

– Я... вам... правду... говорю...

Учитель резко встаёт со своего места, хлопает по столу кулаком и кричит хрипло:

– Не надо!

После этого он вытирает слёзы платком и быстро уходит.

А как быть Алёше?

Он остаётся весь в слезах. Пробует объяснить классу, но ему никто не верит.

Он чувствует себя в сто раз хуже, чем если бы был жестоко наказан. Он не может ни есть, ни спать.

Он едет к учителю на дом. И всё ему объясняет. И он убеждает учителя. Учитель гладит его по голове и говорит:

– Это значит, что ты ещё не совсем потерянный человек и в тебе есть совесть.

И учитель провожает Алёшу до угла и читает ему нотацию.

Закутанный мальчик

Этот мальчик был так закутан, что на него нельзя было смотреть без смеха. Поверх всего он был обмотан большим шерстяным платком. Из сплошного клубка одежды торчали лишь нос и два глаза.

– Как ты на коньках катаешься? – спросил я.

– Никак.

– И на лыжах не катаешься?

– Не катаюсь.

– Вот так и стоишь у стены без движения?

– А зачем мне движение?

– Так ты бы лучше дома сидел.

– Я вышел воздухом подышать.

– Научить тебя на коньках кататься?

– Не надо.

– Тебе одежда мешает? Так ты разденься.

– Мне холодно будет.

– На коньках холодно не бывает.

– Мне и так тепло.

– Вот чудак! Ну и стой возле стенки, только смешно смотреть на тебя. Как чучело.

– А вот и нет.

– Как же нет, когда вон ты какой смешной!

– Не смей смеяться, я тебя стукну!

– Как же ты стукнешь? Тебе и руку поднять невозможно.
Я побежал кататься.

Закутанный мальчик очень обиделся, побежал за мной, но сейчас же упал. Он встал, сделал шаг и опять упал.

– Поставьте его у стены, – сказал кто-то, – а то он так будет всё время падать.

Мяч и чиж

Настал первый день каникул. Вожатый и октябрюта собрались в школе. Вожатый сказал:

– Мы должны позаботиться, чтоб на каникулах не было скучно.

– Сходим в музей!

– Купим мяч!

– Купим чижа!

На другой день вожатый и октябрюта обсуждали вопрос о хоккейном мяче и чиже для кружка юннатов.

На третий день они не могли решить, что купить: мяч хоккейный или чижа.

На четвёртый день во главе с вожатым октябрюта пришли к выводу, что хоккейный мяч нужен ничуть не меньше, чем чиж.

– Мы собираемся в пятый раз, – заявил вожатый на следующий день, – у меня с головой что-то творится.

Октябрюта на это ответили:

– У нас тоже головы не чугунные. Но мы должны решить этот вопрос.

И решили, что чиж – чудесная птица, но и мяч хоккейный – хорошая штука.

На шестой день октябрюта с вожатым были склонны купить хоккейный мяч, если бы не имели в виду чижа.

На седьмой день они заседали, как прежде, и вопрос стоял о мяче и чиже. Только пока еще не было ясно, что именно лучше купить.

На восьмой день вожатого не пустила мама, он переутомился и слёг в постель.

На девятый день октябрята пришли к вожатому. Он, приподнявшись с постели, сказал:

– Вопрос решён. Мы купим чижа. Каникулы завтра кончаются, хоккейный мяч уже ни к чему... тем более что его самим можно сделать.

Как мы в трубу лазали

Большущая труба валялась на дворе, и мы на неё с Вовкой сели. Мы посидели на этой трубе, а потом я сказал:

– Давай-ка в трубу полезем. В один конец влезем, а выйдем с другого. Кто быстрее вылезет.

Вовка сказал:

– А вдруг мы там задохнёмся?

– В трубе два окошка, – сказал я, – как в комнате. Ты же в комнате дышишь?

Вовка сказал:

– Какая же это комната, раз это труба? – Он всегда спорит.

Я полез первым, а Вовка считал. Он досчитал до тринадцати, когда я вылез.

– А ну-ка я, – сказал Вовка.

Он полез в трубу, а я считал. Я досчитал до шестнадцати.

– Ты быстро считаешь, – сказал он, – а ну-ка ещё!

И он снова полез в трубу.

Я сосчитал до пятнадцати.

– Совсем там не душно, – сказал он, – там очень прохладно.

Потом к нам подошёл Петька Ящиков.

– А мы, – говорю, – в трубу лазаем! Я на счёте тринадцать вылез, а он на пятнадцати.

– А ну-ка я, – сказал Петя.

И он тоже полез в трубу.

Он вылез на восемнадцать.

Мы стали смеяться.

Он снова полез.

Вылез он очень потный.

– Ну как? – спросил он.

– Извини, – сказал я, – мы сейчас не считали.

– Что же, значит, я даром полз?

Он обиделся, но полез снова.

Я сосчитал до шестнадцати.

– Ну вот, – сказал он, – постепенно получится.

И он снова полез в трубу.

В этот раз он там долго полз. Чуть не до двадцати. Он разозлился, хотел опять лезть, но я сказал:

– Дай другим ползть, – оттолкнул его и полез сам.

Я набил себе шишку и долго полз. Мне было очень больно. Я вылез на счёте тридцать.

– Мы думали, что ты пропал, – сказал Петя.

Потом полез Вовка. Я уже до сорока сосчитал, а он всё не вылезает. Гляжу в трубу – там темно. И другого конца не видно.

Вдруг он вылезает. С того конца, в который влез. Но вылез он головой вперёд. А не ногами. Вот что нас удивило!

– Ух, – говорит Вовка, – чуть не застрял...

– Как это ты повернулся там?

– С трудом, – говорит Вовка, – чуть не застрял...

Мы здорово удивились.

Тут подошёл Мишка Меньшиков.

– Чем вы тут, – говорит, – занимаетесь?

– Да вот, – говорю, – в трубу лазаем. Хочешь полезть?

– Нет, – говорит, – не хочу. Зачем мне туда лазать?

– А мы, – говорю, – туда лазаем.

– Это видно, – он говорит.

– Чего видно?

– Что вы туда лазали.

Глядим мы друг на друга. И вправду видно. Мы все как есть в красной ржавчине. Все как будто заржавели. Просто жуть!

– Ну, я пошёл, – говорит Мишка Меньшиков.

И он пошёл.

А мы больше в трубу не полезли. Хотя мы уже все были ржавые. Нам всё равно уже было. Лезть можно было. Но мы всё равно не полезли.

Спина, которая загорела

В пионерлагере я решил загорать. Пусть все скажут: смотрите! Каким был, а каким стал!

Кто куда, а я майку долой, чтоб никто не заметил. И ползком, ползком в сторону. В первый день солнца не было. И я всё под дождём сидел. Зря, правда. Но я думал, солнце появится. Один день, в общем, зря пропал. Ну а потом пошло дело. Солнце всюду светило. И я всюду загорел. Спина просто чёрная стала. Как раз время всем показать.

Показываю спину Славке. А он ничего не говорит.

– Ты что, не видишь, – говорю, – спина у меня какая?

Он внимательно посмотрел и говорит:

– Пупырчатая.

– А ещё что видишь?

– А-а-а... – говорит, – теперь вижу.

И как даст мне по спине ладонью!

– Большой комар, – говорит, – сидел.

– Да ты ещё погляди.

– Больше нет комаров, – говорит.

И ушёл.

Показал спину Димке.

– Видишь?

– Вижу, – говорит. – Спина.

– А больше ты ничего не видишь?

– Ничего там больше нет, – говорит.

Поругались мы с ним.

Стёпку встретил. Показываю ему спину.

– Видал? – говорю.

– И я так могу, – говорит.

И тоже выгнул спину.

Я как заору:

– Да что ты – не видишь, что спина у меня загорелая?!

– Ну и что? – говорит.

Повернулся и пошёл. Смотрю я на его спину и вижу, что она у него здорово загорелая. Ничуть не меньше моей. Только вот почему он её никому не показывает – непонятно!

Не везёт

Прихожу я домой из школы. В этот день я как раз двойку получил. Хожу по комнате и пою. Пою себе и пою, чтоб никто не подумал, что я двойку получил. А то пристанут ещё: «Почему ты мрачный, почему ты задумчивый!» Отец говорит: «Чего он орёт?» А мама говорит: «У него, наверное, весёлое настроение, вот он и поёт». Отец говорит: «Наверное, пятёрку получил, вот и весело на душе человеку. Всегда весело на душе, когда какое-нибудь хорошее дело сделаешь». Я как это слышал, ещё больше заорал. Тогда отец говорит: «Ну ладно, Вовка, порадуй отца, покажи свой дневник». Тут я сразу петь перестал. «Зачем?» – спрашиваю. «Да ладно уж, – говорит отец, – показывай, чего там, я вижу, тебе очень хочется дневник показать». Берёт он у меня дневник, видит там эту двойку и говорит: «Ты гляди, получил двойку и поёт! Этого ещё не хватало! Что он, с ума сошёл? Ну-ка, Вова, иди сюда! У тебя, случайно, нет температуры?» – «Нету у меня, – говорю, – никакой температуры...» Отец развёл руками и говорит: «Тогда придётся тебя наказать за это пение...»

Вот как мне не везёт!

Надоедливый Миша

Миша выучил наизусть два стихотворения, и не стало от него покоя. Он залезал на табуретки, на диваны, даже на столы и, мотнув головой, начинал сразу читать одно стихотворение за другим.

Один раз он пошёл на ёлку к девочке Маше, не снимая пальто, влез на стул и стал читать одно стихотворение за другим. Маша даже сказала ему: «Миша, ты же не артист!» Но он не слышал, дочитал всё до конца, слез со стула и был такой довольный, что даже удивительно!

А летом он поехал в деревню. В саду у бабушки был большой пенёк. Миша залезал на пенёк и начинал читать бабушке одно стихотворение за другим.

Надо думать, как он надоел своей бабушке!

Тогда бабушка взяла Мишу в лес. А в лесу была вырубка. И тут Миша увидел такое количество пней, что у него глаза разбежались.

На какой пенёк становиться?

Он здорово растерялся!

И вот такого растерянного бабушка его привела обратно.

И с тех пор он не читал стихотворений, если у него не просили.

Как я боялся

Когда я впервые шёл в школу первого сентября в первый класс, я очень боялся, что меня там будут сразу что-нибудь сложное спрашивать.

Например, спросят: сколько будет 973 и 772? Или: где находится такой-то город, который я не знаю, где он находится. Или заставят быстро читать, а я не смогу – и мне поставят двойку.

Хотя родители меня уверяли, что ничего подобного не произойдёт, я всё равно волновался.

И вот такой взволнованный, растерянный, даже напуганный я вошёл в класс, сел за парту и тихо спросил своего соседа:

– Писать умеешь?

Он покачал головой.

– А девятьсот семьдесят три и семьсот семьдесят два можешь сложить?

Он покачал головой и испуганно на меня посмотрел.

– А быстро умеешь читать?

Он совсем перепугался, чуть под парту не полез. Читать он совершенно не умел.

Я кое-как читать умел, но всё равно боялся.

В это время учительница спросила меня, как моя фамилия, а я решил, что меня сейчас заставят быстро читать или

слагать большие цифры, и сказал:

– Я ничего не знаю!

– Чего не знаешь? – удивилась учительница.

– Ничего я не знаю! – крикнул я испуганно.

– А как зовут тебя, знаешь?

– Не знаю! – сказал я.

– Ни фамилии своей, ни имени не знаешь?

– Ничего не знаю! – повторил я.

В классе засмеялись.

Тогда я сквозь шум и смех класса крикнул во всё горло:

– Свою фамилию и своё имя я знаю, но больше я ничего не знаю!

Учительница улыбнулась и сказала:

– Кроме имени и фамилии, никто вас больше спрашивать ни о чём не будет. Пока ещё никто из вас почти ничего не знает. Для этого вы и пришли в школу, чтобы учиться и всё знать. Вот с сегодняшнего дня мы и начнём с вами учиться.

Тогда я смело назвал свою фамилию и своё имя.

Мне даже смешно стало, что я сначала боялся.

А сосед мой назвал своё имя и фамилию раньше, чем его об этом спросили.

Ёлка и заяц в придачу

Я люблю Новый год! В Новый год всюду ёлки. В Новый год всегда весело. В Новый год всем подарки дают. У нас много игрушек в ящике, много разных шаров, золотых цепей. Скорей бы их все на ёлку! Сегодня мама сказала:

– Пойдём сходим за ёлкой.

Я оделся, и мы пошли.

Навстречу нам мальчик вёз ёлку на санках. У него была очень хорошая ёлка. Густая.

– Вот такую хочу! – крикнул я.

– Хорошая ёлка, – сказала мама.

Она спросила, где мальчик купил свою ёлку.

– За углом, – сказал мальчик. – Вон там, за углом. Целый час выбирал.

Он был очень доволен.

– Спасибо, – сказала мама.

– Пожалуйста, – сказал мальчик. – Вон там, за углом. – Он махнул рукой. – На автобусе. Шесть остановок.

Мы с мамой сели в автобус.

Там ёлки только что кончились. На снегу валялось несколько веток.

– У меня суп на плите, – сказала мама. – У меня в тазу мокнет рыба. Я не могу таскаться за ёлкой. Придётся ждать папу.

Мы вернулись домой без ёлки.

Папа был дома. Он сразу решил:

– Едем к Коле. Подыщем там ёлку. Там сейчас трассу прокладывают. Рубят лес.

Дядя Коля – папин брат. Он лесник.

Я люблю ездить в гости к дяде Коле. Я там в лесу зайца видел. У дяди Коли суп из сушёных грибов. Сколько хочешь варенья.

Я запрыгал от радости и запел:

– Я еду к дяде Коле, где зайцы и разные птицы, варенье, и ёлки, и суп из сушёных грибов!

– И охота вам, – сказала мама, – тащиться в такую даль! За какой-то ёлкой, когда можно купить ёлку в городе.

– Ты в городе с ним уже была. И почему-то вернулась без ёлки! Ребёнку нужна срочно ёлка! Новый год на носу, а он без ёлки!

– Ну да! – сказал я. – Как же так!

– У нас вечером гости, – сказала мама. – Ты не забыл?

Мама сердится.

Папа уже в пальто и шапке.

– Мы успеем ещё сто раз вернуться. К двенадцати-то уж мы вернёмся!

Ох и люблю я папу! Он-то знает, как мне нужна ёлка. Он-то знает!

В поезде было много народу. Я занял место возле окна. Шёл снег. Потом снег пошёл такой сильный, что залепил всё

окно, и в вагоне стало совсем темно.

Кто-то сказал:

– Ишь повалил!

«Вот и хорошо! – думал я. – Ох и здорово! Сколько снегу! Вот это зима! Эх и покатаюсь же я на санках! Эх и поваляюсь в снегу! Давай, снег, иди, иди! У меня завтра начнутся каникулы. Мне нужен снег. Много снегу!»

И снег всё шёл за окном и шёл. Как будто бы он для меня старался. Я всё всматривался в окно, дышал на стекло, чтобы хоть что-нибудь увидеть.

Мне показалось, что я вижу лес, и я крикнул:

– Вон ёлки! Вон ёлки!

– Ишь крикун, – сказал кто-то.

– Мы едем за ёлкой, – пояснил папа. – Вот он и обрадовался.

– Рубить? – спросил дед в полушубке.

– Ага, – сказал папа.

– Не советую, – сказал дед.

– Почему? – удивился папа.

– Он ещё спрашивает, – сказал дед. – Вы что, не понимаете? Ваш сын может ещё не понять. Но вы-то, конечно, должны понять. Вам-то должно быть понятно. Поймите! Ведь пока ёлка вырастет, пройдут годы! А её топором. Что уж тут не понять!

– Да погодите вы, – говорит папа. – Я вас понял. И с вами согласен. Но тут дело совсем другого рода. Мы не такие

варвары...

– А топорик с собой прихватили, да?

– Дайте сказать! Вот заладили!

Дед махнул рукой и замолчал.

– Мы знаем, – сказал я, – где можно рубить. И дядя Коля знает.

– Ну, рубите, рубите, – сказал дед. – Только как вы её повезёте? Любой вас остановит.

– У нас будет квитанция, – сказал папа. – Успокойтесь, пожалуйста.

– Я-то спокоен, а вот как вы? Едете на такое дело!

– Да успокойтесь вы, – говорит папа.

– Я-то спокоен, – говорит дед.

– Не беспокойтесь, – говорю я.

– Вот ещё! – говорит дед. – Он меня успокаивает. Полюбуйтесь!

– Вы посмотрите! – сказала какая-то женщина. – Какие растут боевые дети! Прямо диву даёшься.

Поезд подходил к станции. Дед стал собираться. Он взвалил на спину мешок, сказал: «Ну и народ!» – и, не попрощавшись ни с кем, ушёл.

– Суровый дед, – сказал кто-то.

– Не щадят лес, – сказал толстый дядька.

Тогда папа всем рассказал про дорогу, как прокладывают её в лесу, потому рубят лес, – и все были довольны.

А толстый дядька дал мне конфету. И пожелал чудесной

ёлки. И успокоил папу, чтоб он не расстраивался.

Потом в вагоне зажёгся свет. У папы шапка свалилась на пол. А он спит себе. Я поднял шапку, папа проснулся.

– Я беспокоюсь, – говорит папа, – успеем ли мы вернуться.

– Успеем, – говорю я.

Я стараюсь увидеть в окно что-нибудь. Но я ничего не вижу. Иногда проносятся огоньки. И это всё. Всё-таки в поезде ехать скучно. Сначала кажется интересно, а потом вовсе неинтересно. Особенно если ночью едешь. Днём хоть в окно что-нибудь увидишь, а ночью так ничего не увидишь. Я думал о том, сколько нам ещё ехать, как вдруг папа мне говорит:

– Ну, вот мы и приехали!

Мы выходим на станцию. Звёзд в небе полным-полно. И лёгкий снежок летает. Тишина.

– Ох и темень же, – говорит папа, – кажется, нужно сюда, в эту сторону.

Мы идём по дорожке между ёлками, и папа освещает путь фонариком. Мне трудно идти. Сколько снегу! Я иду по колено в снегу. Потом папа берёт меня на руки.

– Ох и тяжёлый же, – говорит папа; он поднимает меня и сажает на плечи. И вот так мы идём.

Вон дом дяди Коли. Одно окно светится. Значит, он дома. Стучим в окно.

Дядя Коля – огромный, до потолка. У него большущая борода, как у Деда Мороза. У дяди Коли большие руки. Он

протягивает нам руки. Улыбается. Обнимает нас. Папа ему говорит:

– Вот, неожиданно-негаданно!

Я сразу спрашиваю:

– Есть суп с грибами?

– Есть, – отвечает дядя Коля.

– А варенье?

– Конечно есть.

– А в лесу волки есть?

– Для тебя всё есть, – говорит дядя Коля.

Дядя Коля нас угощает. У дяди Коли всё очень вкусное.

Я бы всё ел и ел – до того всё вкусно!

– Ребёнок объестся, – говорит папа.

– Не мешайте ему, – говорит дядя Коля. – Он знает, что делает.

Я, конечно, знаю, что делаю. Я прошу ещё варенья. Дядя Коля даёт мне ещё варенья. И я чувствую, что уже не хочу.

– Он совсем мало ест, – говорит дядя Коля.

Я съедаю своё варенье. И мы все идём за ёлкой.

Я всматриваюсь в темноту. Ёлок здесь много. Но мне хочется зайца увидеть. Но я зайца нигде не вижу. Как ни всматриваюсь в темноту.

Дядя Коля нам говорит:

– Вот здесь строят дорогу. Она пройдёт через весь этот лес. Это будет большая дорога. Я всю жизнь прожил здесь в лесу. Со зверями и птицами. Для меня это чудо какое-то.

– Выбери ёлку нам, – говорит папа, – а то мы не успеем на поезд. Ты не знаешь, когда последний поезд?

Дядя Коля нам выбирает ёлку.

Мы идём с ёлкой на станцию. Дядя Коля нас провожает.

Он не хочет, чтоб мы уезжали. Попозже придет тётя Вера. Она привезёт гостинцев из города. И мы можем здесь встретить Новый год.

– Мы с удовольствием, – говорит папа. – Но ведь ты знаешь Варвару. Потом, у нас гости. Мы обещали вернуться.

Дядя Коля хочет, чтоб мы остались, но он прекрасно знает Варвару. И не обижается.

Дядя Коля нас провожает до станции.

Мы стоим на перроне, а дядя Коля пошёл узнать, скоро ли будет поезд. Он возвращается и говорит, что там что-то случилось на линии, там какой-то снежный занос, поездов пока в город не будет. Из города, может быть, будет поезд, но, может быть, тоже не будет. Так что тётю Веру мы ждать не будем. А сейчас же сядем за стол в избе и проводим пока старый год.

– Боже мой, – говорит папа, – нас ждут гости. Нас ждёт Варвара. Все ждут нашей ёлки. Какой скандал!

– Мы позвоним туда со станции.

Дядя Коля идёт звонить.

– Ну, вот и всё, – говорит дядя Коля. – Я всё объяснил, и всё в порядке.

– Что сказала Варвара? – волнуется папа.

– Она поздравила всех с Новым годом.

– Это правда? – говорит папа.

– Ещё бы, – смеётся дядя Коля.

Мы идём обратно. Мне, конечно, жалко маму. Она о нас там беспокоится. Она всегда о нас беспокоится. Но, в конце концов, мы мужчины. Мы встретим здесь Новый год, в лесу. К тому же здесь не так плохо. Здесь даже, по-моему, хорошо.

Входим в дом.

– Ну, как ты ведёшь себя? – спрашивает дядя Коля.

– Ой, – говорю, – хорошо веду!

– Это правда?

– Как будто, – говорит папа.

Вот он какой, мой папа! Он никогда меня не подведёт!

Дядя Коля ходит по комнате и что-то ищет. Он что-то ищет, а я смотрю и, конечно, не знаю, что он ищет. Дядя Коля просунул руку за шкаф, и вдруг я вижу: он держит зайца! Настоящий заяц! С большими ушами!

Я всю жизнь мечтал о зайце!

Я взял зайца и крепко держу. Такой симпатичный заяц! Ну просто прелесть!

Дядя Коля мне говорит:

– Ты не жми его так. А то задушишь. Ты держи его за уши.

– Как это так – держать зайца за уши? Если меня, например, держать за уши?

Дядя Коля смеётся:

– Вот чудак! Он же заяц! Держи его за уши!

Но я не стал держать зайца за уши. Хотя он и заяц. Мало ли что он заяц!

Вдруг заяц вырвался и побежал.

– Вот видишь, – смеётся дядя Коля. – Нужно было держать его за уши!

Я искал зайца по всей избе. Опрокинул банку с вареньем.

Папа сказал:

– Зря ты дал ему этого зайца. Он теперь тут всё перевернёт.

– Пусть радуется, – говорит дядя Коля, – пусть себе переворачивает. Пока Веры нет.

Папа ставит ёлку в угол.

Я ищу зайца.

– Отдохни немного, – говорит папа, – ты погляди, какая ёлка!

Ёлка вся в тепле оттаяла и искрится.

Папа повесил на ёлку конфеты. Дядя Коля берёт будильник и вешает его тоже на ёлку. Будильник тикает на ёлке.

Дядя Коля опять накрывает на стол. А папа вздыхает.

– Как всё получилось, – говорит он. – Как-то странно всё получилось.

– Ты не рад? – спрашивает дядя Коля.

– Нет, я рад, – отвечает папа.

– Так в чём же дело!

Я тоже рад.

Я ищу под кроватью зайца. Вон он там в угол забился.

Сейчас я его достану!

Я очень рад. Как я могу быть не рад? Я так рад! У меня такой замечательный заяц! Такая ёлка! Вы просто не знаете, как я рад!

Папа просит ещё позвонить домой.

Дядя Коля идёт второй раз на станцию, возвращается и говорит: тётя Вера у нас, они с мамой готовятся к Новому году, они будут вместе встречать Новый год, и всё, в общем, в порядке.

– Не совсем в порядке, – вздыхает папа.

– Да ну тебя, – говорит дядя Коля.

– А гости? – спрашивает папа.

– И гости там, – говорит дядя Коля.

– Чёрт знает что, – вздыхает папа, – они там, а мы здесь...

– Да что ты, – говорит дядя Коля, – наоборот: мы здесь, а они там.

Подумаешь, гости! Они и без нас обойдутся. Зато у меня заяц есть. А был бы я дома с гостями? Не было бы никакого зайца. Я, правда, люблю, когда гости. Но зайца я даже больше люблю.

Дядя Коля наливает вино в бокалы и говорит:

– Скоро будет двенадцать. Мы выпьем за Новый год. Самый лучший и самый счастливый...

А я беру зайца за уши, тихонько открываю дверь и выпускаю его в лес.

Пусть он встречает Новый год со своими зайцами.

Я сейчас приду

– Ты умеешь читать? – спросил я Ваню.

– Умею, – ответил Ваня.

– Прочти-ка вот здесь, – сказал я и дал ему в руки книжку.

Ваня вернул мне книжку и тихо сказал:

– Я сейчас приду...

Я долго ждал Ваню, но он не вернулся.

Я нашёл Ваню в кухне. Увидев меня, он хотел влезть в ведро. Он, наверное, думал в нём спрятаться.

Я остановил его.

– В чём дело? – спросил я. – Что с тобой?!

– Я не умею читать... – сознался Ваня.

Команда

Скоро выйдем на лёд в боевом составе!

Коля и Витя выздоровели от гриппа. Митя выздоровел от коклюша. Андрюша тоже выздоровел. Гена приехал из Москвы, где он жил с родителями три года. Саша, загорелый как чёрт, вернулся с отцом, послом, из Индии.

Сашу мы никак не ожидали. Хоккейная команда из шести человек состоит, а он седьмым оказался, то есть лишним.

Мы ему спокойно объясняем:

– Ты извини нас, но ты седьмой. Мы тебя не можем включить в свою команду. Откуда мы знали, что ты приедешь!

– В какую команду? – спрашивает.

– Известно в какую, не в пожарную же!

– А зачем мне в команду? – спрашивает.

Мы как заорём:

– Да ты что?! В команду не хочешь?!

Он перепугался и говорит:

– Хочу, хочу!

– Но мы тебя взять не можем.

– Почему?

– Вот чудак, потому что ты седьмой!

– А вы какие? – спрашивает.

– Мы укомплектованная команда.

Он в затылке почесал и говорит:

– А я?

– А ты седьмой!

– Ну и что?

Мы ему говорим:

– Раз ты русских слов не понимаешь, мы тебя даже запасным не возьмём.

Он рот скривил, весь задрожал от злости, сплюнул в нашу сторону и говорит:

– Катитесь-ка вы все от меня колбаской!

Красный стал. Так ничего и не понял.

Оказалось, мы ещё забыли Толика. Он такой тихий, и мы его из виду выпустили.

– Может быть, шахматами займёшься? – спрашиваем.

– Могу, – говорит, – и шахматами заняться.

– А мы тебя хотели в команду взять.

– Ладно, – говорит, – берите.

– Только у нас места нет.

– Ну и не надо, – говорит, – не берите.

– Ты ведь даже не знаешь, какая у нас команда!

– Берите, мне не жалко, – говорит.

– И нам не жалко, только ты, пожалуйста, не переживай.

– Да я и не переживаю.

– Знаем мы тебя. На вид не переживаешь, а внутри с ума сходишь.

– Тогда берите, – говорит.

– Сознайся, правда ведь с ума сходишь по нашей команде?

Он молчит.

Мы к нему вовсю пристали, чтобы сознался.

Он молчал, молчал, а потом головой мотнул, — сознался.

Мы его запасным взяли.

Настал день встречи с соседним двором.

Светит солнце. Тепло. С крыш каплет. Настроение у нас боевое. Спортивная форма на высоте. А вместо катка лужа...

Саша, загорелый как чёрт, ходит вокруг лужи и улыбается.

Коля говорит Вите:

— Когда мы с тобой гриппом болели, лужи не было. Может быть, это Сашина работа? Может быть, он солью посыпал?

Ни с того ни с сего над Митей стали смеяться:

— Эх ты, из-за своего коклюша весь хоккей прокашлял!

Он разволновался и снова закашлял.

Андрюша встал в лужу и говорит:

— Тут ещё немножечко льда осталось, может быть, всё-таки удастся сыграть?

Хотя ясно, что не удастся.

Гена говорит:

— Если бы я знал, я бы из Москвы не уезжал, там совсем другая обстановка. — И со всей силой швырнул сосулькой в смеющегося Сашу.

Мы долго вели разговоры, всё в том же духе, никак не могли от лужи отойти.

Вдруг Витя говорит:

— Ребята! Давайте футбольную команду собирать, раз так

вышло.

Его все поддержали, даже обрадовались.

Мы стали тут же футбольную команду собирать, чтобы в долгий ящик не откладывать. По всем правилам – одиннадцать человек.

Гена кричит Саше:

– Иди сюда! Не бойся!

Тот не идёт.

Мы ему кричим:

– Иди, иди сюда, мы тебе ничего не сделаем!

Он не идёт.

– Я! – кричит. – Могу! Вас всех! Такой сосулькой забросать! Что вы у меня вдребезги разлетитесь!!!

– Да никто в тебя сосулькой бросать не собирается, у нас к тебе дело есть!

– Я с вами никаких дел иметь не желаю! – отвечает. – Я вас ещё сосульками не так закидаю, подождите!

– Да отстань ты со своими сосульками, – говорим, – закидай, пожалуйста, у нас к тебе серьёзное предложение.

А он громадную сосульку оторвал от водосточной трубы и грозитя.

С трудом его уговорили, он сосульку бросил, и мы к нему подошли. Зовём его в нашу футбольную команду, а он упирается.

– Так, так... – говорит, – теперь у вас положение изменилось, так вы ко мне пришли? Катитесь вы колбаской!

– Смотри, – говорим, – потом пожалеешь! Мы тебя даже запасным не возьмём!

А он своё:

– Не выйдет у вас это! Не пройдёт!

Толик очень удивился, что он теперь футболистом будет.

– А раньше кем я был? – спрашивает.

– Раньше хоккеистом.

– Когда же я им был?

Он, оказывается, не знал, в какую команду мы его вначале включили. Ему, оказывается, всё равно было: состоять в какой-нибудь команде или не состоять.

Пошли по квартирам собирать недостающих.

Сплошная морока с этими недостающими!

Если бы мы в футбол уже играли, они бы умоляли взять их в команду, а когда мы к ним заранее пришли, они упираются. Мы даже к малышам обратились.

Один малыш говорит:

– А вы мне в копилку положите пять копеек?

Мы ему обещали, и он дал своё согласие.

Другой малыш сказал:

– Сейчас у меня со временем туго. Я способный пианист, усиленно упражняюсь на рояле. Обещать вам не могу, но постараюсь. Только не вратарём. Не имею права портить руки о мяч.

Витя возьми да скажи:

– А ноги тебе портить можно? – Взял способного музы-

канта за уши да потянул.

Малыш завыл, а Коля сказал:

– Я его, кажется, по телевизору видел, он на рояле играл.

Витя говорит:

– Подумаешь! Нас тоже скоро по телевизору покажут! Всю команду.

Пенсионер дядя Петя Макагонов выразил желание стоять в воротах, раз у нас такое критическое положение. Хотя он и пошутил, но мы ему вполне серьёзно отказали.

Забавный инцидент произошёл с Галей Хорошайловой. Она узнала, что мы футбольную команду собираем, за нами увязалась, претендует на роль центра нападения.

Мы ей объясняем:

– Ну кто ты такая, посмотри на себя!

Она говорит:

– Я центр нападения.

Мы смеёмся, а она в ответ:

– А вы дураки!

Еле-еле от неё отвязались.

Одиннадцатого игрока мы долго найти не могли, как вдруг появляется во дворе бывший хулиган Николай Богданов. Я сразу ему предложил встать в воротах.

А он мне как щёлкнет в нос, да с такой силой, что слёзы из глаз потекли.

– Я, – кричит, – тебе покажу! Как надо мной издеваться!

Мы от него разбежались в разные стороны и за сараем со-

брались.

Неожиданно дядя Петя появился, схватил Богданова за руку и говорит:

– Вместо того чтобы исправиться, ты опять за старое!

Богданов задрожал и говорит:

– Буду, буду стоять на воротах!

Дядя Петя говорит:

– Я и то согласился, а ты кривляешься, ишь ты какой важный!

Но как только дядя Петя его отпустил, Богданов отбежал на почтительное расстояние и стал орать:

– Ловите! Ловите! – и по водосточной трубе полез на крышу.

Дядя Петя вздохнул и говорит:

– Пропадёт человек, а жаль. Ничего, мы за него возьмёмся. А вы не печальтесь, ребята, я вам своего внука из пятнадцатого дома приведу, он будет счастлив.

– Только вы никому ни слова, что он не из нашего двора, а то скандал будет.

Дядя Петя сначала не понял, почему скандал будет, а когда разобрался, что подлог получается – чужих игроков переманиваем, а сами от имени своего двора выступаем, засмеялся и говорит:

– Никому на свете не скажу, можете на меня положиться.

Мы на него целиком положились и всей командой пошли есть мороженое.

А потом Саша вынес свой новый индийский мяч во двор, и мы его гоняли по лужам, лупили что есть силы по сосулькам, вовсю тренировались.

Устали и отправились в соседний двор договариваться о встрече.

Как-нибудь...

Зима. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь.
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

Кто не знает это знаменитое стихотворение!

Володя Полуянов, ленивый мальчик, тоже знал эти строчки. Лёжа утром в своей постели, торжествуя по поводу приближения весенних каникул, он переделывал стих на все лады.

Родителям надоело упрашивать его вставать в школу, они махнули рукой на своего сына, оставили ему завтрак на столе, а сами ушли на работу.

Он всегда опаздывал в школу.

А в этот раз решил совсем не идти.

Весна. Володя, торжествуя,
По лужам обновляет путь.
Дружок, каникулы почуя,
С ним вместе скачет как-нибудь...

Володя вздохнул: каникулы начинались завтра.

Мы, торжествуя,
В кино могли бы завернуть.
Дружок, Дружок, ты, протестуя,
Поменьше лай уж как-нибудь!

Дружок всю лаял, видя своего молодого хозяина до сих пор в кровати.

Весна, весна! Тебя люблю я!
Зачем за партой спину гнуть?
Когда спокойненько могу я
Часок-другой пока заснуть.

Но спать не хотелось. Вставать тоже не хотелось. Было желание полежать.

Ещё зевну я.
Каникул ждать – какая жуть!
Но ничего! Свободы действий
Дождёмся лёжа как-нибудь...

Он зевнул. Пёс залаял.
Володя бросил в него подушкой. Пёс заскулил.
Володя сочинил:

Весна! Подушку в пса кидая
И без подушки оставаясь,
Я пролежу уж как-нибудь...

Тогда Дружок, окончательно выйдя из себя, неожиданно стянул с Володи одеяло.

У всех терпение кончается.

У собак, между прочим, тоже.

Если бы

Второклассник Гена послал свой рисунок на конкурс.

Всему классу он заявил по такому случаю:

– Скоро я получу премию, тогда вы все запоёте!

Некоторые девочки по такому случаю новые банты завязали. Некоторые ребята предлагали свои услуги, всячески заискивали перед ним. Боялись, как бы в будущем им не пришлось запеть. Один мальчишка донёс ему портфель до дому. Правда, им было по дороге, но всё-таки. Таких ребят оказалось мизерное количество. Один, два, три. В основном ребята на его слова особенного внимания не обратили. Получи ещё! Потом страшай. И хвастайся. Хотя в любом случае этого делать не стоит.

Гена несколько не сомневался в своём успехе. Иначе бы он не пугал одноклассников. Тем более по рисованию он имел хорошие оценки. Стенгазету рисовал без посторонней помощи. Раза два его видели с самоучителем по рисованию в руках.

Он был уверен. Наступит день! Все ещё непременно запойут! Все ему пожимают руки, хвалят и обнимают. Целуют и гладят по голове. Рисунок его помещают на самом видном месте. Громадными печатными буквами пишут: Гена Ящиков завоевал... награждается... Ценный подарок дадут. На, носи, скажут, держи, не ломай, не теряй, береги. Но не

в подарке дело! В награждении. В почёте. Главное, чтобы стоящая вещь была, а остальное всё ерунда. В таких случаях обычно фотоаппаратами награждают. Вон Димке, за то, что кроссворд отгадал, аппарат дали. Он кошку в гардеробе снял. Внукова и Христобокова. Если бы он меня снял, я его тоже бы снял. А раз он меня не снял, я его тоже снимать не буду...

А вдруг дадут такое, что мне не нужно? Спрашивали бы награждённых: «Что вы хотите?» Мне, например, давно хочется обезьянку. Я бы её в класс притащил, на своё место за парту посадил, а сам бы под парту спрятался. Вместо меня на парте сидит, а меня нету. На всю школу, наверное бы, прославился.

А то ещё книги дадут, да я их не читаю.

А то ещё цветы, да я их не люблю.

А то ещё... А то ещё...

Ему не дали ничего.

Он забыл одно важное обстоятельство: другие дети тоже рисовали. Они тоже посылали рисунки на этот же самый конкурс. Вот если б он был один... Тогда он непременно получил бы все премии, начиная с первой, кончая третьей, не исключая поощрительных.

Тогда не с кем было бы сравнивать.

И весь Генин класс сразу бы хором запел.

Все смотрите на мой пенал

Гости сели за стол, а я бегал вокруг стола и орал:

– Смотрите!!! У меня!!! Какой пенал!!! Замечательный!!!

Мне хотелось, чтобы все видели мой новый пенал.

Такая куча карандашей вмещается – и хоть бы что!

Папа сказал:

– Прекрати немедленно орать!

Я прекратил орать, потянул за рукав одного гостя и тихо сказал:

– Смотрите. Какой у меня пенал. Замечательный.

– Прекрати немедленно дёргать Петра Петровича! – сказала мама.

Я подошёл на цыпочках к другому гостю и сказал ему на ухо:

– Смотрите... какой у меня пенал... замечательный...

Он не расслышал.

– Вы только посмотрите, какой у меня замечательный пенал! – сказал я.

– Где? – спросил он.

Но не успел я ему пенал показать, как папа закричал:

– Прекрати немедленно приставать к человеку!

Я отошёл подальше и на одного гостя пристально смотрю. Как только он меня заметит, я ему издали пенал покажу.

Но он в мою сторону не смотрел.

Тогда я привязал к пеналу верёвочку и вожу его по комнате туда-сюда. Кто-нибудь спросит, что это за штука, и я сразу пенал покажу.

Но мой пенал особенного шума не производил, он был картонный, и никто не спросил, что я катаю. Только родители меня попросили перед глазами не мелькать.

Я, обиженный, ушёл в свою комнату, чтобы никогда больше к ним не выходить.

Оказывается, так и нужно было поступить с самого начала. Уйти в свою комнату со своим пеналом.

Но ведь я с самого начала не был на гостей обижен, как же я мог так поступить?

Когда?

Мальчик Никита любит смотреть по телевизору мультфильмы. Это всё хорошо, всё замечательно, но...

– А когда будет мультфильм? – спрашивает он утром, проснувшись.

– Будет вечером, – говорит отец.

– А когда будет вечер? – спрашивает он, протирая глаза.

– Когда будет темно.

– А когда будет темно?

– В шесть часов.

– А когда будет шесть часов?

– Когда маленькая стрелка будет на шести, а большая на двенадцати.

– А когда большая будет на двенадцати?

– Когда будет шесть часов.

– А когда маленькая будет на шести?

– Когда большая будет на двенадцати.

– А когда?

– Что – когда?

– Когда будет мультфильм?

– Будет вечером.

– А когда будет вечер?

– Ведь я говорил.

– Я слышал. Но мультфильм когда будет?

Вот и наступил вечер за длинным разговором.

Отец включает ему телевизор, а он говорит:

– Вот это другое дело. Ждать не надо. Это я понимаю!

Он одного не понимает: что маленькая стрелка уже на шести, а большая на двенадцати...

На речке

В воображении моём создавалась картина нашей драки: мы с Васькой катаемся по земле, вцепившись друг в друга, он меня царапает, а я его. Никто пощады не просит, бесконечно долгое время катаемся, царапаемся и кусаемся...

Глупость, конечно, если рассудить: отправляемся после уроков драться, вместо того чтобы домой обедать.

Спор был, кому на последней парте возле окна сидеть. Место редкое, незаметное и обзорное. Сколько хочешь всю улицу обозревай, а хочешь – весь класс обозревай. К доске раз в месяц вызовут, а то и того меньше. Опустить голову, тебя и не видеть. Вроде бы в классе, а вроде бы тебя и нет. Замечательное, в общем, место. Сашка там раньше сидел, одни пятёрки получал. Сашка коклюшем заболел, и место освободилось. Васька взял туда и сел. А я давно на это место метил. Можно сказать, мечтал туда уединиться.

Пишу Ваське записку: «Освободи место, я его раньше приметил». Он мне отвечает: «Кто раньше сел, тот и сидит». Он раньше сел, но я раньше приметил. Я ему пишу: «Кто раньше приметил, тот и должен сидеть, а не тот, кто сразу сел». Он мне отвечает: «Сначала докажи, что ты раньше приметил, а потом садись».

Как же я докажу, вот хитрец! Я ему кулаком погрозил, а он смеётся.

На переменке подхожу, заявляю свои законные требования, а он их законными не признаёт. Неужели не понимает, что я давно мечтал на последней парте сидеть! Хватаю его за рукав и тяну. А он не поддается!

В это время звонок. Я на место. Попробую его на следующей переменке вытащить.

Он мне записку пишет: «Ты за это получишь!»

Я ему кулак показал, чтобы он знал, кто получит. Тем более мне получать не за что, а ему есть. Он на моё место сел, а не я на его.

На следующей переменке я его снова тащить начал.

И вот теперь отправляемся мы на речку драться.

Школа у нас на горе помещается. А внизу речка. Полянка. Знаменитый художник Левитан, говорят, написал здесь несколько своих пейзажей.

Уютное местечко. Изумительный вид. Лучшего места для драки не сыскать.

Спустились по тропинке на полянку.

Трава вовсю зеленеет. Птицы галдят на деревьях. А рядом речка журчит. И лошади пьют воду.

Стоим мы с Васькой среди настоящей весны, замечательной природы, замечаем в небе самолёт и глядим на него с удовольствием.

С удовольствием гоняем по траве чей-то старый ботинок, мочим в речке ноги, пьём воду с лошадьми, загораем без маек, болтаем обо всём на свете и договариваемся сидеть на

той парте по очереди до тех пор, пока Сашка не выздоровеет от коклюша.

Хочу лошадь

– Эх, – говорит Васька, – была бы у меня лошадь, сел бы я на неё да поскакал бы во весь дух из города до самого поля и дальше, дальше в лес, помчался бы по лесной дорожке, выскочил бы на полянку и дальше!

Лечу стрелой, а рядом поезд несётся.

Перегнал бы поезд и дальше скачу, скачу себе, скачу без остановки...

– Ну и до какого же места ты доскакал бы? – спрашивают ребята.

– А ни до какого, до того же самого.

– Как это понять? – спрашивают ребята.

– А очень просто, Земля круглая, так по кругу обратно и вернулся бы.

– Ишь ты, – смеются ребята. – Вот на ракете – вжик! А не на лошади.

– А я хочу на лошади, – говорит Васька.

– Вот чудак, – смеются ребята, – зачем тебе лошадь? Машину бы гоночную! И – вжик!

– А я лошадь хочу, – говорит Васька.

Ребята говорят:

– А ещё мотоцикл неплохо. Стоящая, между прочим, вещь. Сел – вжик!

– А я лошадь хочу, – твердит Васька.

– Самое лучшее – велосипед, – говорят ребята, – крути себе педалями – и вжик!

– Мне лошадь надо, – говорит Васька.

– А самолёт? Ка-ак – вжик!

– Эх, лошадь бы мне, – вздыхает Васька, – я бы за гри-
ву крепко держался, ни за что на свете бы не упал, скакал
бы, всё скакал без передышки семь дней и семь ночей и на-
зад возвратился... А вжик я не хочу, потому что мне лошадь
охота...

Карусель в голове

К концу учебного года я просил отца купить мне двухколёсный велосипед, пистолет-пулемёт на батарейках, самолёт на батарейках, летающий вертолёт и настольный хоккей.

– Мне так хочется иметь эти вещи! – сказал я отцу. – Они постоянно вертятся у меня в голове наподобие карусели, и от этого голова так кружится, что трудно удержаться на ногах.

– Держись, – сказал отец, – не упави и напиши мне на листке все эти вещи, чтоб мне не забыть.

– Да зачем же писать, они и так у меня крепко в голове сидят.

– Пиши, – сказал отец, – тебе ведь это ничего не стоит.

– В общем-то ничего не стоит, – сказал я, – только лишняя морока.

И я написал большими буквами на весь лист:

ВИЛИСАПЕТ
ПИСТАЛЕТ-ПУЛИМЁТ
САМАЛЁТ
ВИРТАЛЁТ
ХАКЕЙ

Потом подумал и ещё решил написать «мороженое», подошёл к окну, поглядел на вывеску напротив и дописал:

МОРОЖЕНОЕ

Отец прочёл и говорит:

– Куплю я тебе пока мороженое, а остальное подождём.

Я думал, ему сейчас некогда, и спрашиваю:

– До которого часу?

– До лучших времён.

– До каких?

– До следующего окончания учебного года.

– Почему?

– Да потому, что буквы в твоей голове вертятся, как карусель, от этого у тебя кружится голова, и слова оказываются не на своих ногах.

Как будто у слов есть ноги!

А мороженое мне уже сто раз покупали.

Не-а...

Неимоверная чёлка закрывала глаза мальчишки и половину носа.

– Не мешает тебе чёлка? – спросил я.

– Не-а.

– Меня видишь?

– Не-а.

– Значит, ты даже не видишь человека, с которым разговариваешь?

– А я изредка дую на неё, и она подпрыгивает. – Скривив рот, он дунул снизу вверх, и чёлка подпрыгнула.

– И часто дуть приходится?

– А что?

– Не устаёшь?

– Не-а.

– С утра до вечера дуть на свою чёлку, с ума можно сойти!

– Зато когда бежишь во весь дух, она сама разлетается в разные стороны, – похвастал он.

– Ну а когда спокойно идёшь?

Он пояснил:

– Тогда встряхиваешь головой в такт шагам, и чёлка назад отлетает.

– И обратно не прилетает?

– Я вам серьёзно говорю.

– Но нельзя ведь всё время трясти головой!

– Почему нельзя?

– Голова заболит от непрерывных трясок.

– Не-а.

– Да и неудобно. Сзади, предположим, волосы тебе не так мешают, а за столом, наверное, в тарелку твоя чёлка попадает?

– Два раза в суп и три раза в кисель...

– Ну и как?

– Смешно.

– Неужели?

– А что?

– А если ты читаешь, пишешь за столом, тебе чёлка не мешает?

– Не-а.

– Как же ты с ней обходишься в это время, опять дуешь?

– Читаю я в кровати, а когда пишу, одной рукой чёлку придерживаю.

– Ну и ну!

– А что?

– А телевизор когда смотришь, дуешь, держишь одной рукой или головой всё время трясешь?

– Тогда я высоко поднимаю голову, затылком упираюсь в стену и сверху вниз смотрю, что показывают.

– И видно?

– Ну, не очень. А что?

– Тряс головой бы тогда и дул.

– От тряски экран мелькает. А дуть к вечеру я уже больше не могу...

– Сознался хоть.

– А что?

– М-да... Много у тебя хлопот.

– Не-а.

– А что? – передразнил я.

– Это вы меня спрашиваете?

– Не-а, – сказал я. – Хватит с меня.

Вот что интересно!

Когда Гога начал ходить в первый класс, он знал только две буквы: О – кружочек и Т – молоточек. И всё. Других букв не знал. И читать не умел.

Бабушка пыталась его научить, но он сейчас же придумывал уловку:

– Сейчас, сейчас, бабуся, я тебе вымою посуду.

И он тут же бежал на кухню мыть посуду. И старенькая бабушка забывала про учёбу и даже покупала ему подарки за помощь в хозяйстве. А Гогины родители были в длительной командировке и надеялись на бабушку. И конечно, не знали, что их сын до сих пор читать не научился. Зато Гога часто мыл пол и посуду, ходил за хлебом, и бабушка всячески хвалила его в письмах родителям. И читала ему вслух.

А Гога, устроившись поудобней на диване, слушал с закрытыми глазами.

«А зачем мне учиться читать, – рассуждал он, – если бабушка мне вслух читает».

Он и не старался.

И в классе он увиливал как мог.

Учительница ему говорит:

– Прочти-ка вот здесь.

Он делал вид, что читает, а сам рассказывал по памяти, что ему бабушка читала.

Учительница его останавливала. Под смех класса он говорил:

– Хотите, я лучше закрою форточку, чтобы не дуло.

Или:

– У меня так кружится голова, что я сейчас, наверное, упаду...

Он так искусно притворялся, что однажды учительница его к врачу послала. Врач спросил:

– Как здоровье?

– Плохо, – сказал Гога.

– Что болит?

– Всё.

– Ну, иди тогда в класс.

– Почему?

– Потому что у тебя ничего не болит.

– А вы откуда знаете?

– А ты откуда знаешь? – засмеялся врач.

И он слегка подтолкнул Гогу к выходу.

Больным Гога больше никогда не притворялся, но увильживать продолжал.

И старания одноклассников ни к чему не привели. Сначала к нему Машу-отличницу прикрепили.

– Давай будем серьёзно учиться, – сказала ему Маша.

– Когда? – спросил Гога.

– Да хоть сейчас.

– Сейчас я приду, – сказал Гога.

И он ушёл и не вернулся.

Потом к нему Гришу-отличника прикрепили. Они остались в классе. Но как только Гриша открыл букварь, Гога полез под парту.

– Ты куда? – спросил Гриша.

– Иди сюда, – позвал Гога.

– Зачем?

– А здесь нам никто мешать не будет.

– Да ну тебя! – Гриша, конечно, обиделся и сейчас же ушёл.

Больше к нему никого не прикрепляли.

Время шло. Он увиливал.

Приехали Гогины родители и обнаружили, что их сын не может прочесть ни строчки. Отец схватился за голову, а мать за книжку, которую она привезла своему ребёнку.

– Теперь я каждый вечер, – сказала она, – буду читать вслух эту замечательную книжку моему сыночку.

Бабушка сказала:

– Да, да, я тоже каждый вечер читала вслух Гогочке интересные книжки.

Но отец сказал:

– Очень даже напрасно вы это делали. Наш Гогочка разленился до такой степени, что не может прочесть ни строчки. Прошу всех удалиться на совещание.

И папа вместе с бабушкой и мамой удалились на совещание. А Гога сначала заволновался по поводу совещания, а по-

том успокоился, когда мама стала ему читать из новой книжки. И даже заболтал ногами от удовольствия и чуть не сплюнул на ковёр.

Но он не знал, что это было за совещание! Что там постановили!

Итак, мама прочла ему полторы страницы после совещания. А он, болтая ногами, наивно воображал, что так и будет дальше продолжаться. Но когда мама остановилась на самом интересном месте, он опять заволновался.

А когда она протянула ему книгу, он ещё больше заволновался.

– А дальше читай сам, – сказала ему мама.

Он сразу предложил:

– Давай я тебе, мамочка, вымою посуду.

И он побежал мыть посуду.

Но и после этого мама отказывалась читать.

Он побежал к отцу.

Отец строго сказал, чтобы он никогда больше не обращался к нему с такими просьбами.

Он сунул книгу бабушке, но она зевнула и выронила её из рук. Он поднял с пола книгу и опять отдал бабушке. Но она опять выронила её из рук. Нет, раньше она никогда так быстро не засыпала в своём кресле!

«Действительно ли, – думал Гога, – она спит или ей на совещании поручили притворяться?»

Гога дёргал её, тормозил, но бабушка и не думала про-

сыпаться.

А ему так хотелось узнать, что дальше происходит в этой книжке!

В отчаянии он сел на пол и стал рассматривать картинки. Но по картинкам трудно было понять, что там дальше происходит.

Он принёс книгу в класс. Но одноклассники отказывались ему читать. Даже мало того: Маша тут же ушла, а Гриша вызываясь полез под парту.

Гога пристал к старшекласнику, но тот щёлкнул его по носу и засмеялся.

Как дальше быть?

Ведь он так никогда и не узнает, что дальше в книге написано, пока не прочтёт её.

Оставалось учиться.

Читать самому.

Вот что значит домашнее совещание!

Вот что значит общественность!

Он вскорости прочёл всю книгу и много других книг, но по привычке никогда не забывал сходить за хлебом, вымыть пол или посуду.

Вот что интересно!

Корреспондент Гера Крошечкин

Когда у Геры Крошечкина появился фотоаппарат, он сразу стал в центре внимания. Ходит в центре, а мы по бокам. Каждый просит, чтобы его сняли, а Гера возмущается: мол, всех людей снять невозможно. А сам снял петуха. И где он его нашёл, подумать только! Во всём городе ни одного петуха не видно. Оказывается, он его на базаре сфотографировал. На базар за петухом ходит, а своих товарищей снимать не хочет! Куда это годится?

Окружили ребята Геру Крошечкина, галдят, умоляют сфотографировать, а он важничает. Круглый отличник Миша махнул рукой и говорит:

– Да ну его! Будет петухов снимать да куриц, кому это надо!

Миша – круглый троечник (это чтоб их не путать) на Мишу-отличника полез. Заискивает перед Герой, чтобы тот его снимал почаще. Но Миша-отличник отскочил в сторону – да прямо на ногу старосте Камилле Николаевой.

А Гера эту сцену сфотографировал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.